

Юсва

История одной фотографии

Я люблю рассматривать старые фотографии. Люблю заглянуть в чужой семейный альбом. Особенно мне нравятся фотографии, снятые в канонах традиционного русского группового парадного портрета, семейные, клановые, городские и деревенские. Мне нравится вглядываться в лица людей, которых уже давно нет на этом свете, рассматривать наряды женщин и детей. Нравится представлять, как рассаживал их фотограф, прежде чем запечатлеть на снимке...

Особенно много фотографий мне довелось просмотреть тогда, когда я начала собирать информацию по истории своей малой родины – деревни Городище и Городищенского леспромхоза. Односельчане живо откликнулись на мою просьбу высылать воспоминания о своих родителях, бабушках и дедушках. Присылали рассказы об их непростых судьбах и приносили старинные фотографии. Иногда, рассматривая какой-нибудь незатейливый снимок, я начинала изучать его с такой дотошностью (присущей всем музейщикам), что доводила владельцев фотографий до определённой степени возмущения. Но это позволяло мне делать такие открытия, о которых владельцы фотографий даже не подозревали. Иногда мне удавалось доказать, что они владеют раритетами. Вот, например, этот снимок:

Работники сапожной мастерской, д. Городище. 1946 г.

Мне привезла его одноклассница моей сестры, Марина Фёдоровна Филиппова (Субботина). Я в то время собирала информацию о нашей начальной школе, об учениках военной поры. Марина Фёдоровна рассказала, что её папа окончил только 4 класса. В 5-й класс надо было идти в Пожву за 8 км. Он какое-то время ходил туда пешком, а потом школу бросил и решил пойти учеником в сапожную мастерскую. Я заинтересовалась этой информацией. Мне, как историку, захотелось узнать как можно больше о сапожной мастерской. «Одно дело колхоз, и совсем другое – развитие кустарных промыслов в колхозной деревне!» – подумала я. «Так у нас даже фотография сохранилась, где мой папа стоит среди работников этой сапожной мастерской. На обороте написано: 1946 год», – сказала Марина Фёдоровна.

На фоне деревенского дома – группа мужчин и женщин. Мужчины сидят в первом ряду. Все в гимнастерках и фуражках. Сапоги начищены до блеска! Тут же стоит табурет с комнатным цветком в горшке. Женщины – во втором ряду. Крайний справа – Фёдор Субботин, будущий папа Марины Фёдоровны. Ему тогда было 12 лет.

Кто работал в этой сапожной мастерской, были ли среди них квалифицированные мастера, какую обувь шили? Где можно было реализовать эту обувь? На все эти вопросы мне хотелось получить ответы. Вот что рассказала мама М.Ф. Филипповой (Субботиной) Тамара Петровна Субботина: «На этой фотографии рядом с моим будущим мужем Фёдором Субботиным стоит женщина в тёмном костюме и светлой блузке, это Татьяна Кукушкина. В центре – Пелагея Захаровна (она была тёткой Алеши Елкова), потом Августа Алексеевна (сестра у Ильи Алексеевича Зюзина), а крайняя слева – Марфа Бородина (по первому мужу – Кубарева, по второму - Краснова, у неё было прозвище Марфа Колпачница, она была дочерью Федулы Яковлевны). Впереди стоит дочь Марфы Зина, дошкольница. Все четыре женщины местные, городищенские. А вот мужчины – из числа репатриантов. Власовцы после войны должны были отмечаться у коменданта, а репатриированные не отмечались. Начальником в этой мастерской был Василий Махоркин. Федя вспоминал, что этот Василий Махоркин его всему обучил. Который из четырёх мужчин Василий Махоркин, я точно не скажу, но вроде второй слева.

Первый слева Михаил Шелякин, а крайний справа – Ефим Дмитриевич – фамилию его я не запомнила. В мастерской его все называли уважительно по имени и отчеству – Ефим Дмитриевич. Он был очень хорошим портным и умел шить не только обувь, но и одежду. Жили репатрианты у кого-то на квартире. Я думаю, что сапожная мастерская была организована после войны, когда в нашей деревне появились репатрианты, а может, и раньше. Наверняка, в этой мастерской, в основном, ремонтировали старую обувь, потому что в войну и после войны люди очень бедно жили. Но я помню, что мне в этой мастерской сшили новые кирзовые сапоги, и я ходила в них в школу. Федя научился здесь и обувь ремонтировать и валенки подшивать. Мастерская располагалась в той части деревни, которая называлась Городище Заречное, или просто Заречка. Швейную машину они арендовали у моей мамы Александры Алексеевны Абрамовой (Бородиной). За это маме выдали продуктовую карточку. Потом машину маме вернули, когда мастерская закрылась. Машина была старинная и шила даже кожу. Она была куплена в 1936 г. в Майкоре. Машина сохранилась до наших дней, стоит у моей младшей сестры Нади и до сих пор в рабочем состоянии!»
А вскоре М.Ф. Филиппова (Субботина) выслал мне и фотографию этой швейной машины:

*Швейная машина
от А.А. Абрамовой*

Таким образом, мне удалось установить, что в сапожной мастерской работали деревенские женщины и мужчины из числа репатриантов. Дело в том, что деревня Городище в 30-е годы стала частью Архипелага ГУЛАГ (она была включена в систему исправительно-трудовых учреждений области).

Репрессированные, в основном, работали на лесоповале, в Городищенском леспромхозе, образованном накануне войны. Но некоторым из них, видимо, была предоставлена возможность работать по профессии. Профессор А.Б. Суслов в монографии «Спецконтингент в Пермской области. (1929-1953 гг.)» отмечал: «Региональное руководство ориентировалось на организацию кустарных промыслов для спецпереселенцев». Очевидно, местные власти, выполняя постановление СНК СССР «О спецпереселенцах», решили создать сапожную мастерскую и в д. Городище, где было трудоустроено несколько человек.

«Как сложилась их судьба? Уехали они или остались в деревне?» – спрашивала я своих односельчан. «Уехали, как только им разрешили покидать места ссылки. Мастерская была закрыта. А женщины, которые работали в этой мастерской, многому у них научились».

Я попыталась найти потомков этих женщин (ведь Тамара Петровна назвала их имена и фамилии), чтобы подробнее расспросить их о сапожной мастерской, но не смогла разыскать их. Поскольку Марфа Бородина (Кубарева, Краснова) была дочерью Федулы Яковлевны Бородиной, мне вспомнился рассказ Людмилы Даниловны Лопарёвой (Корсаковой), с которой я беседовала, когда собирала информацию о верованиях и приметах, о колдунах и знахарках. «Дом Федулы Яковлевны Бородиной после её смерти купил рыбхоз и отдал его папе, потому что папа работал в рыбхозе. Дом этот был очень большой, вернее, даже два дома на одних сенях. А во дворе стоял ещё двухэтажный амбар. Мы там нашли много обуви, все туфли были с загнутыми сверху носами, вроде как турецкие, ну вот такие, как в восточных сказках. Не помню, куда мы их дели. Наверное, папа сжег. Он всё сжигал, раз здесь колдунья жила...». Рассказ о туфлях с загнутыми сверху носами показалась мне тогда чуть ли не вымыслом. Но когда я узнала, что Марфа Бородина работала в сапожной мастерской, то мне стало понятно, почему Корсаковы

нашли в амбаре так много обуви. Возможно, когда сапожную мастерскую закрыли, то Марфа принесла часть обуви к себе домой. Не пропадать же добру! Только вот непонятно, почему туфли были «с загнутыми кверху носами»?

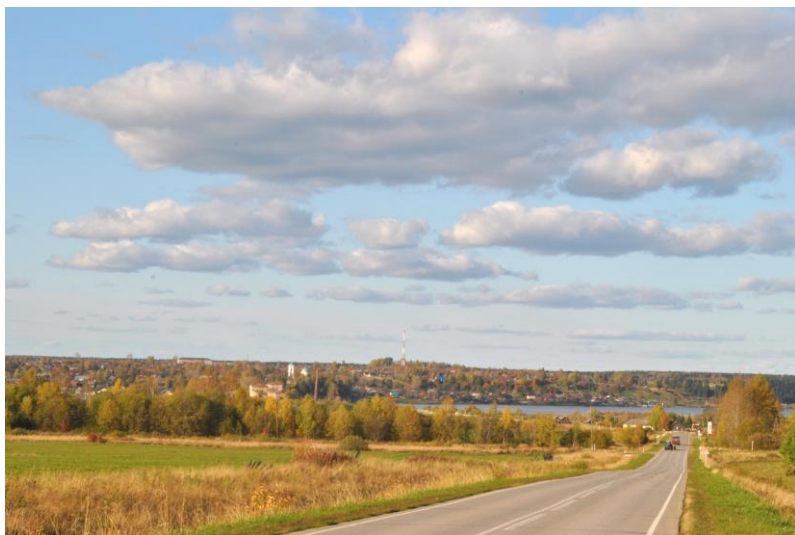
Разгадать эту загадку мне удалось после того, как я записала рассказ Тамары Петровны Галямовой, которая поделилась со мной воспоминаниями о Тузуме (этот спецпосёлок был лесоучастком Городищенского леспромхоза). Именно здесь располагалась комендатура, где должны были отмечаться все репрессированные, которые прибывали в Городищенский леспромхоз. Она рассказала, что семьи «бывших кулаков» разместили в Тузуме в пустых домах, где никто не жил. «Мы бы и не знали, что до нас в этих домах жили крымские татары, если бы не Петя Ясиков. Он однажды спросил у меня: «Томик (а он меня всегда Томиком называл), – а Вы почему не боитесь ходить мимо кладбища? Ведь холмики вдоль дороги на Филенку – это могилы. Здесь похоронены крымские татары. Мусульмане ведь крестов на могилах не ставят, вот и остались одни холмики». Заглянув на сайт общества «Мемориал», я нашла там вот такую информацию: «На 01.01.1945 г в Тузуме числилось 480 человек (112 семей) крымских татар и 352 человека (121 семья) бывших кулаков». Через пять лет (на 01.01.1950 г.) выходцев из Крыма осталось всего 2 человека. Другая старейшая жительница посёлка Тузим Клавдия Григорьевна Краснобаева вспоминала: «В 1942 году мужиков забрали на фронт, работать в лесу некому. Тогда пригнали к нам в Тузим не то узбеков, не то казахов. Они приехали с продуктами, с овцами и даже со своим врачом. Южные люди, они ведь к жизни в лесу не приспособлены. А лес валили поперечкой, вывозили на лошадях. Они сядут на задницу и сидят. Какие из них работники! Рис съели, овец съели. Одежды тёплой нет. Начали болеть. Многие умерли. А те, кто остались, стали воду пить, чтобы опухнуть. То ли умереть скорее хотели, то ли думали, что их домой отправят, если они заболеют. К 1945 году их уже в живых почти никого не осталось».

Так что, вполне возможно, что «туфли с загнутыми носами» привезли в сапожную мастерскую из Тузума. Это все, что осталось от 480 человек крымских татар, выселенных в лесную тузимскую тайгу и погибших здесь. Основную массу спецпе-

реселенцев, конечно, трудоустраивали на лесоповале. Но четвёрём мужчинам во главе с Василием Махоркиным повезло. Их трудоустроили в сапожной мастерской. Наверняка, снабдили инструментом. Ну и привезли в эту мастерскую несколько мешков с обувью, которая осталась от крымских татар. Думали, что хотя бы подошвы пойдут в дело, на починку и на изготовление бродней или тапочек...

Но это только моё предположение. Очередная легенда. Я записала немало таких легенд от своих односельчан, когда работала над книгой «Беседы с памятью, или Легенды и были Роданова Городища». В марте 2021 г. книга вышла из печати в издательстве «Пушка». Я включила в неё и легенду о сапожной мастерской и крымских татарах, которые все погибли на лесоповале, оставив в память о себе только восточную обувь и холмики вместо могил в глухой уральской тайге.

(Автор – **Римма Нестерова**, Пермь, лауреат Конкурса в номинации 2 – Документальная проза)

Дорога в Пожву (фото – **Алексей Панфилов**, Пожва, Юсьва, Победитель Конкурса в номинации 1 (Родные просторы) – 2 Место)

Янтарные серёжки

Баба Яга уже не злая вовсе
И можно приходить к ней в гости,

И можно согреться у карги,
 И ждать, когда поспеют пироги...
 Кащей с утра копается на грядках,
 Не помнит о своих проделках гадких.
 Влечёт его к хорошенькой старушке,
 Живущей рядом на лесной опушке...
 У бывших бестий ни детей, ни внуков.
 И сказки все прочитаны от скуки,
 И вечером, все вспомнив злоключения,
 Кащей Яге вдруг сделал предложение...
 Яга припудрила свой острый носик,
 Надела платье, бусы и сапожки.
 За окнами летела в листьях осень
 И ей подкинула янтарные серёжки...

* * *

Синеокая Русь, говор нежен и звонок.
 Я такая же, пусть, и могу без лаптей
 Обогнать босиком и десяток девчонок,
 Долетев до твоих пограничных морей...
 Синеокая Русь, облик нежен и тонок.
 Я такая же, пусть, так поверишь ли мне?
 Нагрузюсь по пути парой лёгких котомок,
 И пойду за тобой по траве-мураве...
 Синеокая Русь, стан волшебнo-лебяжий.
 Зыбь озёрная, пляж, омут тянет на глубину...
 Солнце нежно сойдёт и на воду приляжет.
 Лебедь верный своей и лебёдушке люб...
 Вот и озеро "Грусть" и в подол полноводие.
 Я такая же, пусть, не из хищных акул.
 Я с тобой, моя Русь, ты моё благородие,
 И в тебе, уходя, как в воде растворяюсь...

Осенняя лиса	От того, как кричит воронё,
Я бегу за осенней лисой	От того, как багрянец искрист,
Рыжей-рыжей лесной полосой,	От того,
И от щедрости этой лисы	как слетел первый лист...
У меня замирают часы...	Подустан от судьбы кувырков,
Замирает и сердце моё	Я плыву среди своих берегов.

Я старею, и с осенью в лад
Принимаю осенний парад...

* * *

Взрывы, пули, раскаты,
Грохот и пламя войны.
Русские наши солдаты
У черноморской волны...
И у азовского пляжа,
И у Днепра берегов
Русские наши отряды
Встали стеной для врагов...

Кажется, воздух всё тот же,
Та же речная вода,
Та же земля в придорожье,
Те же цветы у окна...
Кажется, именно, кажется,
Только всё время гудит
Злая тревога по-вражески,
Страх ожидания мнит...
С прежней бравадой лютуют
Страны в нацистской возне,
Бесы над Русью лихуют,
Мир уничтожив в войне...

(Автор – **Ирина Завадская**, Юсьва,
Лауреат Конкурса в номинации 4 – Поэзия)

Пожва (июнь 2020 г.; фото – **Алексей Панфилов**, Пожва)

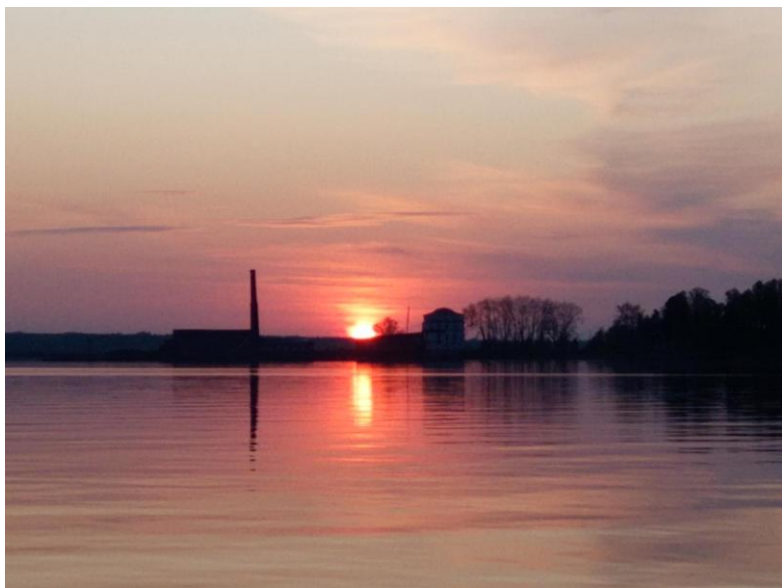
* * *

Ах, как хочется вернуться в сорок пятый,
В день Победы, в день весенний, озорной.
Ах, как хочется обнять того солдата,
Кто, израненным, спасает шар земной...

Ах, как хочется вернуться в сорок пятый,
Ликовать и под гармонь, и под струну.

Ах, как хочется сегодняшним ребятам
Победить и защитить свою страну...
Ах, как хочется любви, добра и веры,
Веры в май, и в русский выстраданный мир,
В полыханье громовых раскатов первых
Без войны, нацистов, свежести могил...
Как не хочется смотреть погибшим в лица
И как хочется смотреть в них без конца.
Словно взмывшиеся над землёю птицы,
Души праведных летят на небеса...
Как не хочется смотреть погибшим в лица,
Но как хочется запомнить их глаза...
С тишиной на русских истинных границах,
С вечной памятью поселится слеза...

(Автор – **Ирина Завадская**, Юсьва, номинация 4)

Летний закат Пожвы (фото – **Алексей Панфилов**, Пожва)

* * *

Может, было и так по ночам и рассветам.
Может, было и так под дождём просяным.
Ты дарила мне, Русь, много белого света,
Ты дарила мне грусть, что не дарят совсем.

Ты любила меня, словно мамину дочку,
Ты купала меня в синем небе своём.
Ты дарила мне ночь и ещё одну ночь,
Ты дарила мне то, что не дарят совсем...
Может, я и твоя непослушная дочка,
Может, я и твоя неслучайная грусть.
Подарила ты мне двух любимых сыночков
И теперь, уходя, я с тобой остаюсь...
Русь любила меня, как не любят родные.
Провожая меня в бесконечность дорог.
Ты хранила меня, словно песни складные,
Что всегда напевал и поёт наш народ...
(Автор – **Ирина Завадская**, Юсьва, номинация 4)

Вид на Пожвинский залив Камского моря (фото – **Алексей Панфилов**, Пожва)

Метель-проказница

Ах, метель-метель-метелица,
Не кружи мою избушку.
У тебя, метель, бессонница,
Не буди ты зря старушку.
Ах, метель-метель-метелица,
Всё так чисто подмела,
Закружилась, заплясала

Вдоль по улице пошла...
Не надеть мне платье белое,
Не бежать мне в хоровод,
Где ты, детство беззаботное?
Уж забыт тот Новый год...
Веселится лишь метелица,
И встречает Новый год,

Нас зовёт с собой, проказница,
В этот чудный хоровод.

Маска-маска, я Вас знаю!

Что случилось на планете?
В масках взрослые и дети.
Может, ждёт нас карнавал,
И все мы пошли на бал?
Маску сварщик надевает,
Он глаза ей защищает,
Космонавт шлем облачает,
Когда в космос он взлетает.

Водолаз – в тяжёлой маске,
Под водой в ней словно в сказке.
На работе, там, где газ,
Нужен весь противогаз!
Бандит маску надевает,
Он лицо своё скрывает.
В чёрных масках весь Спецназ
От бандита спасёт нас.
Все мы по домам сидим
И в окошечко глядим –
Без масок нынче никуда,
Так как к нам пришла беда!

(Автор – **Маргарита Платоненко**, с. Аксёново, Юсьва,
номинант Конкурса в номинации 4 – Поэзия)

Пожвинский закат (фото – **Алексей Панфилов**, Пожва)

«ТЁТЯ ЗОЯЛЁ САЛЮТ!» («Тете Зое салют»)

Портрет героини стихотворения И. Минина

Прикамье – это большой и богатый край. Он расположен в европейской части Европы, в предгорьях Уральских гор. Пермский край можно смело назвать одним из самых красивых мест в стране. Здесь много лесов, рек, озёр и природных ресурсов. Можно бесконечно любоваться красотами нетронутой природы, созерцать её уникальность и величие. Но глав-

ным богатством земли Пермской являются живущие здесь люди: русские, татары, удмурты, немцы, башкиры, коми-пермяки и люди других национальностей.

Богат литературными талантами Коми-Пермяцкий округ. Заметным явлением в национальной культуре является творчество Ивана Алексеевича Минина. Он одинаково свободно творил на родном и русском языках. О широком признании автора говорит то, что его произведения печатались в Кудымкаре, Перми, Сыктывкаре и даже в Москве.

Не простая жизнь выпала на долю И.А. Минина. Родился он в большой крестьянской семье в таёжной деревушке Кышкамыс Кочёвского района. Родители были неграмотными, но старались дать сыну хорошее образование. Юность писателя прошла в военные годы. Он стойко перенес все тяготы и лишения, выпавшие на долю его поколения.

Иван Минин писать начал рано, ещё в начальной школе. Первый сборник стихотворений на родном языке вышел в 1951 г. под названием «Югъялӧшонді» (Сияет солнце). Затем год за годом издаются поэтические сборники «Туйын и гортын» (В дороге и дома), «Тэнат асыв (Твоё утро)», «Мийӧ быдмам» (Мы растём), «Шоррез визывтӧны» (Ручьи текут) и др.

Творчество Минина плодотворно. Во многих стихах писатель и поэт воспевает природу своего края, людей, живущих в нём, пишет о том, что скучает о своём родном уголке и всегда ждёт встречи с ним. Иван Минин, сын крестьянина, пишет и об урожае, и о трудовом подвиге народа. Многие произведения написаны на реальных событиях из жизни земляков.

В сборнике стихов И.А. Минина «Дивья», выпущенном в 1985 г., было опубликовано стихотворение «Тетя Зоялӧ салют!», написанное им в 1983 г. «Посвящайтсьӧ З.Г. Мансуровалӧ, «Мелюхинскӧй» совхозись свинаркалӧ, кӧда бур удж понда наградитӧма куим орденӧн да медальӧн».

*«Сьылӧтам тэнӧ,
Ассиным геройӧс.
Сьылӧтам мортӧс,
Кин уджавны лют.*

*Примит поклон миянсянь, тетя Зоя,
Примит тэ дзирытӧ привет-салют!»*

Кто же эта скромная свинарка из глубинки, которая заслужила

такое внимание и почёт, и ей поэт посвятил своё произведение? Мансурова Зоя Гавриловна – животновод, знатная труженица, наша землячка, уроженка д. Демидово бывшего Мелюхинского сельсовета Юсьвинского района. Она родилась в 1928 г. в многодетной семье. С детства ухаживала за младшими сёстрами.

*«Зэв сьёкыт кадö, көр война öграліс,
Тэ ассит туй пондöтін трудовöй.
Уджалін öтмоз черöн и чарлаён,
Гунаын, ыбын керин удж любöй!
Тэ овлін тшыгйöн,
И морозыс кынтліс.
И кизэ висьлісö.
И висьліс тэнат кос.
Но учöтсянь тэ эн жалейтлы вынтö,
Тэ керин дös, мый тиöктіс сэк колхоз».*

Когда началась война, в 13 лет пришлось Зое пойти работать в колхоз, о школе не могло идти и речи, так и остался седьмой класс незаконченным. А с четырнадцати лет она трудилась на лесозаготовках пять долгих, холодных зим. Лес вывозили на лошадях и сплавляли до реки Иньвы. Летом сушили под навесом снопы хлеба, сортировали зерно, которое увозили на лошадях в Менделеево и отправляли на фронт. Были случаи кражи семенного зерна, поэтому его протравливали граназа-ном. Все рабочие убегали, а Зоя одевала маску и лопатой сме-шивала зерно с удобрением.

*«Войнаыс бöрын вын страналö содтін
И богатсьöтін уджöн коми край:
Тэ тридцать год ни
Дозирайтан пода,
Уна и сетін йöвсö, ви да яй.
Тэ одз чеччылін,
Рытнас серöн водлін.
Заботаын чулöтін лун и ой.
Тэ керин сэтшöм трудовöйö подвиг,
Кытшöмö вермö керны лишь герой».*

В 18 лет она приняла группу коров и до пенсии проработала в животноводстве. Пришлось вручную доить две группы, а это – 45 дойных коров. Потом перевели на должность свинарки, где работала без выходных и отпусков. поголовье свиней доходи-

ло выше ста. Из воспоминаний Мансуровой З.Г.: «Старались кормить свиней сытно, добавляли в еду муку из еловой лапки, привозили обрат из маслозавода, просроченный творог, картошкой кормили, и сырой, и варёной». В одно лето в д. Шадрино сгорела откормочная ферма. Привезли две машины обгоревших туш коров. Было лето, и мясо быстро портилось. Зоя Гавриловна с напарницей варила для свиней кушанье в котлах, веником убирала червей, топором рубила мясо и делила варено всем свиньям поровну. В своей работе Мансурова З.Г. доби-лась высоких результатов, суточные привесы превышали 1 кг. А трудиться приходилось в тяжелейших условиях. Как и все труженики того времени, надо было рано вставать, допоздна трудиться. А дома дети, хозяйство. Много помогала в ведении домашнего хозяйства мама, Аграфена Константиновна.

«И овтён тэнё счастьеыс оз ордды.

Тэ тōдан ыджыт слава и почет.

Эд тэнат морос вылын кум ордэн

Югъялōны, геройскōй донa морт!

И мийō донтам тэнō – воннэз, сойез.

Баитамō сьōлōмсянь сэтшōм кыв:

Некōр эн лэдз тэ юртō, тетя Зоя,

Ов уна годдэз!

Ов да песня сьыв!»

За многолетний добросовестный труд и высокие показатели в животноводстве Мансурова Зоя Гавриловна награждена мно-гими почётными грамотами, тремя орденами: орден «Знак По-чёта», орден Трудового Красного Знамени, орден Ленина и ме-далями «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», знаком «Победи-тель социалистического соревнования 1974 года».

«Хотели в Москву отправить на выставку, не поехала, испугалась, думала, что потеряюсь», – вспоминала баба Зоя. На всю жизнь за-помнила, как на ферму приезжала известная певица Екатерина Плотникова со своим мужем, корреспондентом, только жалеет, что фотографии не сохранилось с той памятной встречи.

В 1983 г. Зоя Гавриловна вышла на заслуженный отдых. Много гостей из района и округа приезжало на праздник. Позже совхоз

выделил для своей работницы квартиру в с. Мелюхино. В селе её называли баба Зоя. Даже на пенсии она не могла сидеть без дела: кому носки свяжет, кому шерсти нарядёт. Зоя Гавриловна часто приходила в сельскую библиотеку, была постоянным читателем. Предпочитала читать женские романы, детективы. На вопрос «Почему нравятся именно книги про любовь?», она скромно отвечала, мол, «не было у меня в жизни любви, так хоть в книгах прочитаю, за других порадуюсь». Зоя Гавриловна была интересным собеседником. Она делилась историей своей жизни, обсуждала прочитанные книги, следила за новостями в мире, была в курсе всех происходящих событий.

В 2011 г. бабы Зои не стало. Героиня произведения И. Минина на 20 лет пережила поэта, воспевавшего её труд в своём стихотворении «Тетя Зоялӧ салют!». Оптимистично, торжественно звучат поэтические строки – посвящение, поклон великой труженице.

*«Сьылӧтам тэӧ,
Ассиным геройӧс.
Сьылӧтам мортӧс,
Кин уджавны лют.*

*Примит поклон миянсянь, тетя Зоя,
Примит тэ дзирытӧ привет-салют!
И ась горалӧ тэнат ним посадын,
Сьӧлӧмат ӧдыс ась некӧр оз быр.
А ми быдӧнным тэныт сетам клятва,
Что пондамӧ уджавны тэ моз пыр!»*

Мелюхинская сельская библиотека бережно хранит альбом с биографией Мансуровой З.Г., её воспоминания, записанные в своё время учителями и школьниками Мелюхинской школы и напечатанные на печатной машинке. Старожилы села ещё помнят бабу Зою, свою землячку-орденоносцу, а вот школьники плохо знают историю своих земляков – героев, тружеников, таких, как баба Зоя. Именно, для молодого поколения важно проводить мероприятия, посвящённые трудовому подвигу наших земляков. Как известно, мероприятия по популяризации творчества коми-пермяцкой литературы особенно тепло и эмоционально воспринимаются слушателями и участниками, если героями или прототипами произведений являются земляки, уроженцы «малой» родины. Сохранение исторической памяти об известных людях своей

«малой» родины, популяризация их жизни, трудовых заслуг с использованием лучших произведений коми-пермяцкой литературы и, разумеется, на коми-пермяцком языке – важное направление краеведческой деятельности в воспитании молодого поколения.

Список литературы:

1. Гордость Пармы: Биографический справочник. – Кудымкар: Коми-Пермяцкое книжное издательство, 2008.
2. Минин И. Дивья: Стиххез да поэмаэз /И. Минин. – Кудымкар, 1985. – с. 30-31.
3. Минин И.А. Избранное. – Кудымкар: ГКУБ «Коми-Пермяцкий этнокультурный центр», 2015.
4. Тематические папки Мелюхинской сельской библиотеки [неопубл.]
5. Лихачёвские краеведческие чтения: сборник материалов 5 межрегиональной конференции, посвящённой 120-летию М.П. Лихачёва и 120-летию Коми-Пермяцкой центральной национальной библиотеки им. М.П. Лихачёва: г. Кудымкар, 12 ноября 2021 г.

(Автор – **Светлана Мальцева**, с. Мелюхино,
дипломант Конкурса в номинации 2 – Документальная проза)

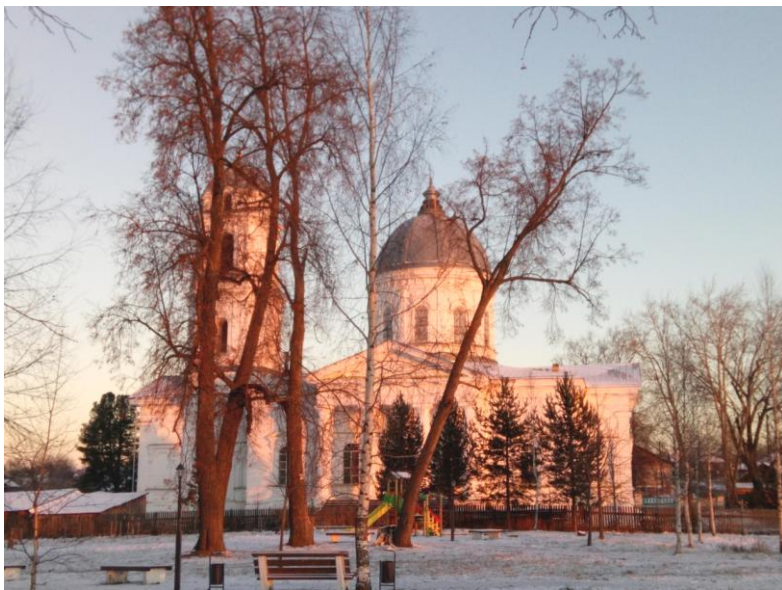
Пожвинские просторы (фото – **Алексей Панфилов**, Пожва)

Солнечный зайчик

Заглянул он к нам в окно в первый день весны,
Пробежал по всем дорожкам, разогнал все сны,
Он кота заставил бегать, в зеркале сверкнул,

К тёмной ночи незаметно, тихо ускользнул.
Что за зверь такой, кто он,
 тот, кто всех нас растолкал,
Зимний холод уничтожил, настроение поднял?
Зайчик солнечный, вот кто, шире открывай окно!
Вскоре он пригласит к нам всю свою родню:
Много солнечных лучей, и тепла, и света,
Не успеешь оглянуться, как наступит лето!

(Автор – **Ольга Лесникова**, Юсьва,
участник Конкурса в номинации 4 – Поэзия)

Пожвинская церковь в лучах утреннего Солнца

(фото – **Алексей Панфилов**, Пожва)

Орешек золотой (басня)

Однажды белочка лесная нашла орешек золотой,
Сначала очень удивилась, потом взяла его домой.
Собрались все лесные братья и стали думать и гадать,
Как съесть его – не подавиться, а может нам его продать?
И накупить подарков всем,
 устроить праздник без проблем!
Гостей собрать круговорот, устроить пляски, хоровод!

Пока же думали, гадали, орешек тот бобры украли
И вмиг на зубы раскатали, теперь достанешь их едва ли!

*Зубами мух ты не лови – коль выпал шанс, его храни!
Сидят за каждым поворотом золотозубые бобры.*

(Автор – **Ольга Лесникова**, Юсьва, номинация 4)

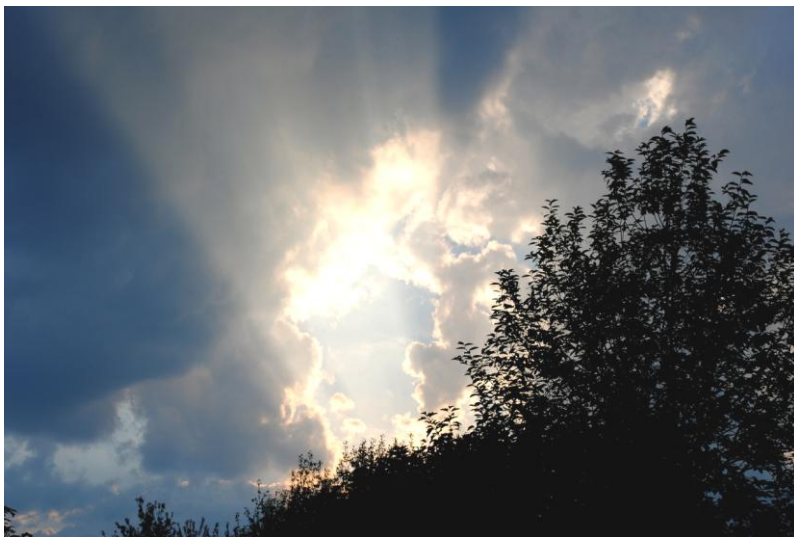

Пожвинский залив (фото – **Алексей Панфилов**, Пожва)

Родная земля

Как хочется стряхнуть
с плечей своих десятков лет,
А с ним и – лишний вес, уж заодно,
И превратившись в лёгкую пушинку,
Как птичка, упорхнуть в окно!
И облететь поля и лес,
Гладь речки вспенить под крылом,
Погладить каждую травинку,
Поллюбоваться спеющим зерном!
И пробежаться по сосне высокой,
Вздохнуть её смолистый аромат,
И посидеть на ветках у берёзы,
Послушать, как они шумят!
А на поляне, всей пропахшей зноем
И сладкой земляникою в траве,

Вдруг ясно ощутить,
Какое счастье жить
на родной своей земле!
(Автор – **Ольга Лесникова**, Юсьва, номинация 4)

После дождя (Пожва; фото – **Алексей Панфилов**, Похва)

Две жабы (басня)

На кочке жабы две сидели и обсуждали всех вокруг:
Бобры, дескать, жиры себе наели;
У цапли этой слишком длинный клюв;
А эти молодые лягушата орут, как настоящие котят;
А эта жирная ондатра всё подгребает под себя,
Ведёт себя, как Клеопатра;
А выхухоль-то обнаглела, все лучшие корма поела;
И даже мухи, да и комары звенят,
жужжат до утренней зари!
Ну, всё не ладно, всё не так, не жизнь, а сущий кавардак!
И тут они заметили в воде две отвратительные рожи
Пупырчатые, серые, как будто бы на дне
Сидят два дьявола без кожи.
«Ну, это уж вообще! Кто их пустил сюда!
Найдём на них управу, им не отвертеться!»

*Чем прежде обвинять других –
К себе неплохо б присмотреться!*

(Автор – **Ольга Лесникова**, Юсьва, номинация 4)

Поющее дерево (окрестности Пожвы; фото – **Алексей Панфилов**, Пожва)

Последнее тепло осенних вечеров

Последнее тепло осенних вечеров
Укутываешь нас ты тёплой шалью,
И я смотреть до полночи готов,
Как листья кружатся по ветру
тонкою вуалью!

Нет резких запахов и ярких красок,
Всё будто бы в какой-то полумгле,
И солнце кажется устало,
И светится неярко, как во сне.
А завтра, может, всё вдруг измениться,
Холодный ветер стужу принесёт,
А с ней – дожди и слякоть, и туманы,
Последние одежды с деревьев все сорвёт!
Ну, а пока тепло, уют, покой,
Ковёр из листьев под ногой,
Я всеми струнами души впитать готов
Последнее тепло осенних вечеров!

(Автор – **Ольга Лесникова**, Юсыва, номинация 4)

Родные просторы Пожвы (фото – **Алексей Панфилов**, Пожва)

Такие разные ноги

По маленькой дорожке бегут босые ножки,
Бегут они, смеются – щекотка их берёт!
Травинки все кусаются и ножки спотыкаются,
Но всё равно им весело, бегут себе вперёд!
Красивые, изящные на модных каблуках
Идут и не торопятся в высоких облаках,
Они нисколько не спешат и тихо так себе плывут,
Ведь все, кто любят их, конечно, подождут!

А эти ноги узнаём мы по походке смелой
Они на стройке и в лесу, везде, где много дела.
Они шагают и в строю, и средь больничных стен
И охраняют жизнь мою, и с ними нет проблем!
А эти ноги еле-еле перешагнули свой порог,
Им дотянуть бы до скамейки,
а там уж как поможет бог!
Им тяжело, их крутит, вертит,
и с каждым шагом боль сильней,
Для нас вы всех всего дороже:
вы ноги бабушки моей!
(Автор – **Ольга Лесникова**, Юсьва, номинация 4)

Утренний туман (Пожвинский залив; фото – **Алексей Панфилов**, Пожва)

Заратанка – самое красивое и таинственное место в Пермском крае!

В нашем посёлке Пожва 7 микрорайонов: Заратанка, Гора I, Гора II, Капустное, Лысково, Лемпиха и Каменные домики. На фотографии – вид на Заратанку со стороны Пожвинского пруда. Она находится на берегу реки Ратанка, на северо-западе посёлка. Это тихое, спокойное место, окружённое полями и лесами, для тех, кто ищет покоя и прелестную сельскую атмосферу.

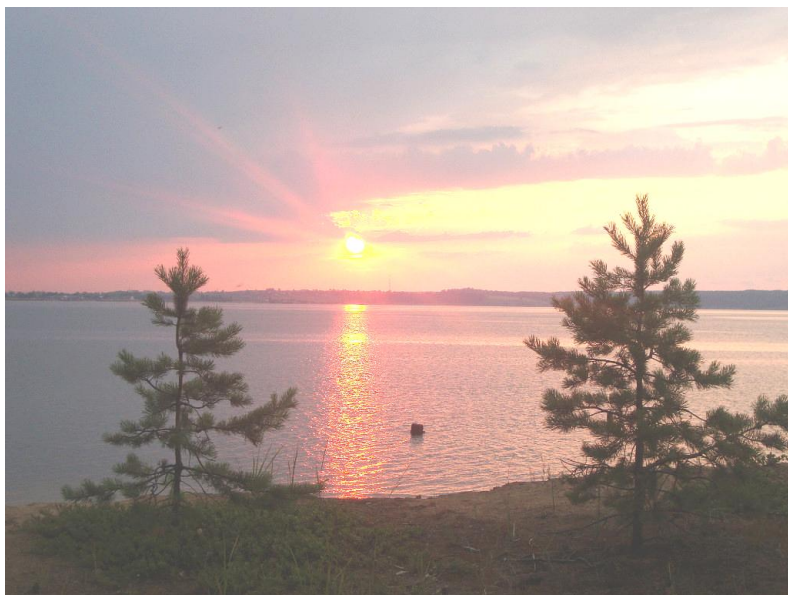
Говорят, что там хорошо заниматься рыбной ловлей, «охотой» за грибами и ягодами. Вокруг зелёная сельская местность, плодородные поля и богатая растительность.

Заратанка – центр, где находится Пожвинская больница. В этой части посёлка 12 улиц: Кирова, Щорса, Шевченко, Лазо,

Зои Космодемьянской, Павлика Морозова, Ленина, Космонавтов, Назукина, Юных Коммунаров, Пушкина и Ратанская. Заратанка – самое красивое и таинственное место в Пермском крае!

(Автор – **Любовь Горкунова**, Пожва, номинант Конкурса в номинации 2 – Документальная проза)

Восход солнца над островом Зелёный, на другом берегу от Пожвы, место отдыха пожвлян и гостей (фото – **Татьяна Мельничук**, Победитель Конкурса в номинации 1 (Родные простор) – 3 Место)

Пожва – это Мир рыб, Мир ягод, Мир грибов и Мир чистой воды!

В Пожве и вокруг неё 35 речек, 3 пруда, 9 ключиков чистой воды, 5 болот: Сухановское, Змеиные Горки, Пронинский Бор, Чёртово и Медвежье.

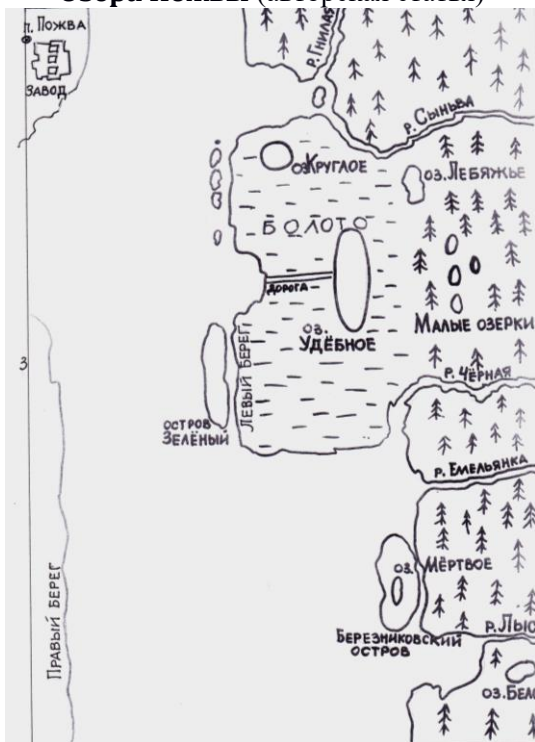
Пожвляне и гости посёлка собирают там голубику, чернику, морошку, бруснику и клюкву.

Пожвинские речки: Лысковка, Татарка, Оняшера, Сигаика, Заячья, Лёнва, Берёзовка, Арай, Пожва, Ломоватка, Пожовка, Ратанка, Елыманиха, Мочищенка, Степковка, Чёрная, Емельяниха, Лысь, Косьва, Сыньва, Городищенка, Половинка, Чистенка, Ушаковская, Усть-Пожвинка, Гарчовка,

Гагарка, Барда, Талица, Кондас, Северная Пожва, Налимовка, Гнилая, Дедовка и, конечно же, река Кама.

В наших речках водится такая рыба, как: ёрш, жерех, линь, золотой карась, серебристый лещ, лещ-синец, крупный лещ (1-3 кг), средний лещ (палтуха), мелкий лещ (фанера), налим, сом, речной окунь, чёрный озёрный окунь, судак, щука, карп, чехонь, язь, плотва (сорога), аргыш, хариус, усач, сазан, тюлька, уклейка (шеклея).

Озера Пожвы (авторская статья)

Имеется также 6 озёр: Лебяжье, Удёбное, Круглое, Белое, Гагарье и Мёртвое, на которых водятся утки, гуси, лебеди и цапли.

Природный объект: Удёбное озеро

Местоположение: Удёбное озеро находится в Юсьвинском районе Коми-Пермяцкого округа Пермского края /Вообще-то это бывший Усольский р-н – А.Т./ . Расположено в пойме реки Кама на левом берегу, т.е. напротив нашего Пожвинского за-

вода и посёлка, на другой стороне реки Камы. Это ближайшее к жителям Пожвы озеро. Одно из красивейших озёр за Камой рекой. Относится к Камскому бассейновому округу.

Описание природного ландшафтного памятника: *Удёбное озеро* – продолговатое, с низкими топкими берегами. Ширина водной поверхности озера составляет ~ 100 м, а длина ~ 2 км. Глубина ~ 7-8 м. С трёх сторон озеро окружает болото, и только с одной стороны, западной, есть устойчивая земля.

Туристическая привлекательность: Вокруг *Удёбного озера* растёт клюква, а в самом озере водится редкая рыба – чёрный окунь. А за озером – небольшие, но очень чистые и приятные глазу озёрки.

Чуть слева, на северо-востоке, находится Лебяжье озеро. Старожилы-пожевляне говорят, что там парились и жили лебеди, поэтому-то в старину озеро назвали – Лебяжьим. Вокруг этого озера тоже есть ягоды, а в озере рыба – чёрный окунь, как и в Удёбном озере.

Между озером Удёбным и Лебяжьим находится много мелких озёрков. Кстати, *Удёбное* произошло от слова «удобное». Это название очень подходит к данному озеру.

Во-первых, это озеро – самое близкое от посёлка. Во-вторых, вода в озере – чистая-чистая. Вода светлая, прозрачная, словно родниковая. Можно сварить уху и вскипятить чай, а также пособирать дары леса – ягоды: морошку, чернику, голубику, бруснику и, конечно, клюкву. Кстати сказать, цвет ухи необычный – чёрный, из-за цвета чёрных окуней. Но уха получается очень-очень вкусная, «пальчики оближешь».

К северу, в трёх километрах от Удёбного озера, находится Круглое озеро, которое соединилось с рекой Камой, а рядом с озером, недалеко от Круглого, есть подземный источник – водяной ключик, вода которого питала и питает это озеро. Здесь тоже есть дары леса.

Недалеко от речки Лысь есть озеро Белое. Почему его называли Белым, а Удёбное – удобным? Я думаю, что из-за чудеснейших и прекраснейших белых лилий, которые растут по берегам этого озера. Озеро тоже богато рыбой – чёрными окунями, а вокруг – ягодами: морошкой, черникой, голубикой, брусникой и клюквой.

А ещё было озеро напротив Березниковского посёлка. Так назывался посёлок лесорубов на берегу речки Емельянки, а сейчас на берегу реки Камы. Озеро называется Мёртвым, так как его затянуло илом и мхом.

Удёбное и все остальные озёра за рекой Камой, по научному сказанию, остались или образовались от старого русла реки Камы. Когда-то давно на нерест сюда поднималась белуга и осётр. А в лесах водился соболь.

А ещё Старков Владимир Иванович, заядлый охотник и рыболов, говорит о том, что озеро Удёбное находится выше уровня Камы. Считается, что озеро почти всегда бывает спокойным: и днём, и ночью.

На озере есть утки и гуси. Весной, летом и осенью можно подъехать на моторной лодке или на катере. А потом пройти ещё ~ 3 км пешком по болоту. А зимой только на «джипах» и снегоходах. Я считаю, что Удёбное озеро – одно из самых загадочных мест в Пермском крае! Так же, как и Лебяжье, Белое, Круглое, Мёртвое озёра и Гагарье озеро, которое находится за Зелёным островом!

(Воспоминания **Горкуновой** Любви Ивановны, учителя МБОУ)

Зимние просторы (Пожва; фото – **Алексей Панфилов**, Пожва)

Старый кедр на восходе
(окрестности п. Пожва; фото – Алексей Панфилов, Пожва)

Гроздья рябины зимой

**«Волнующая встреча одноклассников –
Возможность с детством встретиться опять»**

*Мне снова в детство захотелось,
в счастливые семидесятые года,
где так легко жилось и пелось,
казалось, это навсегда!*

Местом встречи был центр посёлка, около Пожвинской Свято-Троицкой церкви. Удачно расположенная, видимая с дальних расстояний, построена она в 1865 г. в стиле высшего классицизма культовой архитектуры.

Фотографировались на крыльце этого здания.

Но вот сегодня, в этот день прекрасный

Мы встретились аж 45 лет спустя!

Теперь степенные и важные такие,

Мы стали терпеливей и мудрей.

Забыв про время, возраст и заботы,

Припомним беззаботность школьных дней.

Школа, школьные годы... От первого звонка до последнего – 10 лет, но каких – незабываемых, светлых! Даже сейчас, когда прошло уже 45 лет, как мы окончили школу, мы до сих пор с теплотой вспоминаем нашу школьную жизнь.

Вообще наша школьная жизнь была весьма интересной. И хвалили нас, и ругали, и делами мы разными занимались, и ночью домой приходили с прогулки, а наши родители ко всему этому относились очень спокойно. Никогда не думали о том, что с нами может произойти что-нибудь плохое. Запомнились классные и школьные вечера. Нам было весело и интересно учиться! Нас было 58 выпускников Пожвинской средней школы Юсьвинского района в 1974 г. Огромное спасибо всем учителям, за любовь к нам, за терпение, за их нелёгкий труд и возможность вновь «пройтись по тихим школьным этажам, где прожито и понято немало»!

В этом же году наша школа отмечала 220 лет. Я думаю, что выпускникам и гостям было интересно узнать хронологию образования школ в нашей любимой и родной Пожве. Так, с 1799 по 1821 гг. – была Заводская школа; в 1821-1841 гг. – Заводская школа с ланкастерской формой обучения; в 1841-1870 гг. – Приходское училище; в 1870-1893 гг. – Земское начальное училище; в 1893-1916 гг. – Двухклассное мужское училище; в 1908-1916 гг. – Женское училище; в 1916-1918 гг. – Высшее начальное училище; в 1918-1923 гг. – Реальная гимназия (реальное училище – неполное среднее или среднее учебное заведение, в учебном плане которого основное место отведёно предметам естественно-математического цикла; в 1923-1935 гг. – Семилетняя школа; а с 1935 г. и по сей день – Полная средняя школа. В 1935 г. директором школы был Лешков Николай Андреевич.

Ведь время не стоит, идёт вперёд.

А встреча бывших школьников, заметьте,

Заряд энергии на много лет даёт!

Не повторяется, не повторяется, не повторяется такое никогда...

Каждый получил заряд бодрости и воспоминаний, кусочек радуги от прошлого к настоящему!

(Автор – **Любовь Горкунова**, Пожва, номинация 2)

Камское море и Пулькина гора (фото – **Сергей Субботин**, п. Кама, лауреат Конкурса в номинации 1 – Родные просторы)

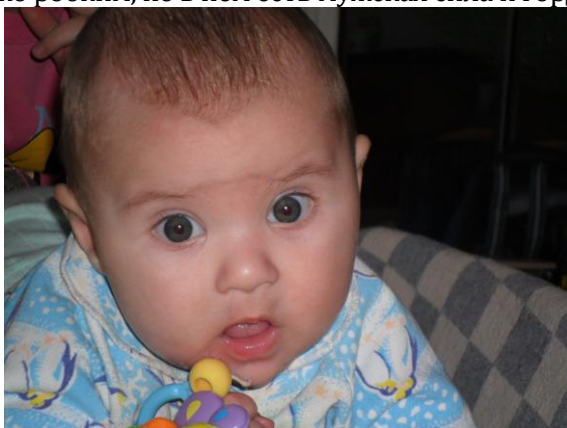

Пулькина гора в п. Кама (фото – **Надежда Абрамова**, п. Кама, дипломант Конкурса в номинации 1 – Родные просторы)

«Ребёнок – это праздник, который пока со мной!»

В возрасте 7 месяцев, 14 марта 2012 г., опубликовано в газете *Парма новости*
Материал принял участие в окружном конкурсе фотографий «Привет, я родился!»
Даниилка в детстве – спокойный, уравновешенный, улыбающийся ребёнок, с любопытством смотрящий на мир, спокойный человек, не любящий спешить, сдержанный. Внешне он всегда улыбчив, доброжелателен, иногда он кажется несколько робким, но в нём есть мужская сила и гордость.

Даниил слишком углублён в свой внутренний мир, У Даниила сильно развито образное восприятие, поэтому он может стать актёром, художником. Но также может быть учёным, конструктором, предпринимателем, поваром, водителем, строителем, трудиться в области электроники. Чем бы он ни занимался, работа для него всегда будет на первом месте. Яркая фантазия, импровизация, увлечённость, умение работать руками – всё вместе помогает Даниилу добиться творческого успеха.

(Автор – **Любовь Горкунова**, Пожва, номинация 2)

* * *

Хлопья снега кружатся над нашей землёй –
Заметает поля и дороги.
Я прошу, ты семью мою нежно укрой,
Чтобы нас не коснулись невзгоды.
Дай надежду, что вскоре мы все за столом
Соберёмся у праздничной ёлки.
Как и прежде, весёлую песню споём,
И, как в детстве, прокатимся с горки.
Верю я, новый день в нашей жизни настал,
И беда не висит коромыслом.
Ведь семья – это тихий надёжный причал,
Без неё жизнь лишается смысла.
Снег движеньем одним краски грусти убрал –
Мир украсился белой одеждой.
Только он всё кружил над землёй и молчал,
Тихо в сердце вселяя надежду...
(Автор – **Екатерина Ужегова**, с. Купрос, Юсьва,
лауреат Конкурса в номинации 4 – Поэзия)

Родные просторы (Поэма; фото – **Алексей Панфилов**, Поэма)

* * *

*

Капли дождя на ресницах,
В сердце – любовь и покой.

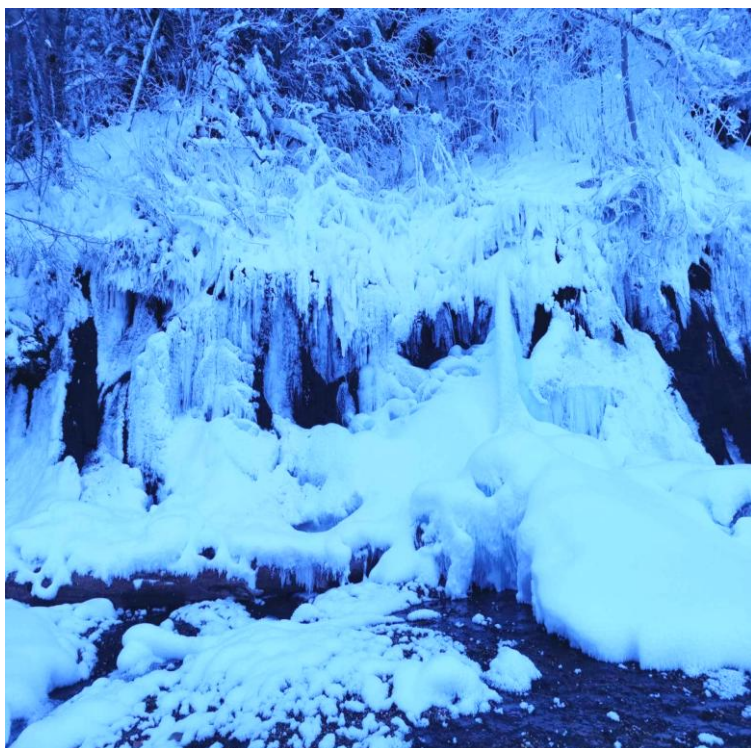
В хмурой осенней столице
Близится час золотой.
Небо покрылось вуалью,

В моей родной России

Люблю я пенье птичье по утрам,
Оно особенное здесь, на Иньве,
Когда идёшь навстречу всем ветрам
И чувствуешь себя духовно сильной.
Когда душа, проснувшись ото сна,
Вновь молится за мир на всей планете,
За то, чтоб в людях было меньше зла
И чтобы были счастливы все дети.
Когда вдоль речки стелется туман
И в душу тёплой стружкой проникает,
И треплется девичий сарафан,
И ветер ноги стройные ласкает.
А мне берёзу хочется обнять,
Да чтоб забыться просто на мгновение.
Нашла я силы главное понять –
Любовь в душе – это и есть спасение.
Свободу невозможно не любить,
Свободой дышать – моя стихия,
А мне бы просто на просторах жить,
В моей стране, в моей родной России.
(Автор – **Екатерина Ужегова**, с. Купрос, Юсьва, номинация 4)

Живой цветок (окрестности п. Пожва; фото – **Алексей Панфилов**, Пожва)

Щедро поит родник ключевой водой
Всех вокруг целый год, даже лютый зимой.
И ему не страшны снег, метель, голода!
В роднике так чиста и прозрачна вода...

Родник зимой (между речкой Половинка и деревней Горки
Юсьвинского р-на; фото – *Татьяна Мельничук*, Пожва)

Покров Пресвятой Богородицы

Октябрь наступил и в глазах моих стынет молчание.
Сквозняк в коридоре, ведь настежь открыто окно.
На сердце печаль – моим сердцем владеет отчаяние,
А я, сквозь слезу, улыбаюсь всем бедам назло.
Привычка дышать остаётся, и я буду прежнею,
Как утром из чашки, пить крепко заваренный чай,
И словно весь мир состоит лишь из лжи и погрешностей,
А чувства живые... и льют с каждым днём через край.
В тяжёлое время я выйду к забытой околице –
Родные места, как всегда, дарят сердцу тепло,

А вскоре наступит Покров Пресвятой Богородицы
И, значит, покроется снегом родное село.

(Автор – **Екатерина Ужегова**, с. Купрос, Юсьва, номинация 4)

Деревенский закат. Надежда на будущее
(фото – **Надежда Абрамова**, п. Кама)

Икота (рассказ-быль)

Славится наша Коми-пермяцкая земля всякими легендами, сказаниями да чудесами. Вот с одним из таких чудес и довелось мне повстречаться.

Про икоту (икотку) я узнала ещё с детства, про ту, что живёт в человеке и разговаривает разными голосами, и даже ругается. Жили мы в маленьком посёлке, нас в семье было девять детей. Отец работал в леспромхозе, а мама – учительницей. Вечерами мама сидела за тетрадями, а отец, придя с работы, собирал нас, детей, вокруг себя и начинал рассказывать разные истории. От него мы узнали про леших и домовых, про банников и водяных, про чертей и разных чудищ. Вот и про икоту он рассказал, что живёт в соседней деревне одна бабка, в голбце у которой стоит большой бачок с брагой, а там кишат эти икоты и пищат на разные голоса. Она их людям

вместе с брагой подсовывает. Слушать эти истории было интересно и, в то же время, жутковато. Но дети есть дети, мы воспринимали эти истории, как сказки. Время шло, мы подрастали и поехали учиться в районный центр, в с. Юсьва. Когда я училась в восьмом классе, мест в интернате не хватило и нас с сестрой поселили на квартиру к одной пожилой паре.

Старички хоть и выпивали, но нас не обижали и даже подкармливали иногда. Домой мы ездили только на выходные. В тот день, когда всёэто случилось, приехали мы в Юсьву поздно. Мама собрала нам сумочку с продуктами и положила кусок колбасы. Колбаса для нас была редкость, так хотелось поскорее съесть, но я сказала сестре:

- Колбасу съедем завтра, когда хозяев дома не будет, а то ещё им завидно будет.

Зашли в дом, хозяйка была подвыпившая и что-то спорила со своим мужем. Сумку с едой я положила под кровать. Сестрёнка легла спать, а я села за уроки, готовилась к экзаменам. Тут тётя Лена, так звали хозяйку, перестала ругаться, подошла ко мне, сделала глубокий вдох и быстро, быстро тоненьким голосочком начала говорить:

-Ме бы кыдзь колбаса сѡ сѣя.

Говорила она долго на коми-пермяцком языке, что означало: я так колбасу хочу поесть. И тут я вспомнила про рассказы отца и поняла, что это икота говорит. Но откуда она знает про колбасу? Меня охватил такой ужас. Хозяйка наклонилась ко мне, так и казалось, что икота сейчас выскочит у неё изо рта и ко мне переберётся. Я закрыла рот руками и боялась пошевелиться.

- Да не бойся ты, – наконец-то, отдышавшись, сказала тётя Лена. – Это икота заговорила, видите ли, колбаски ей захотелось. Я от страха не могла выговорить ни слова, наконец, медленно покраснев, говорю:

- Нету у нас колбасы.

Тут икота как закричит уже с явным недовольством:

- Эн бѡбѡтчи, эн бѡбѡтчи, колбасаыт куйлѡ сумкаын (Не ври, не ври, колбаса лежит в сумке).

Говорила она быстро, быстро, повторяла несколько раз. Тут я уже испугалась не на шутку, побежала к сумке, дрожащими

руками достала колбасу и отдала всю хозяйке. Сама залезла на кровать, под одеяло, заткнула уши руками, чтоб ничего не слышать. Вот откуда она узнала про колбасу, и что лежит она в сумке? И тут я вспомнила, отец говорил, что икота всё знает, надо ей вопросы задавать. Вот бы спросить про экзамены, подумала я, но было страшно. Икота ещё долго что-то говорила. Но тогда я коми язык знала плохо, да и не слушала совсем. Когда всё затихло, я осторожно выглянула из-под одеяла. Хозяйка позвала меня на кухню:

- Ты что, Танька, убежала? Икота говорит, ты про экзамены узнать хочешь (Откуда она узнала, я же только подумала). Да не переживай, хорошо сдашь. Много чего она про тебя рассказала, и когда замуж выйдешь, и сколько детей будет. Сказала, кем работать будешь и какие травмы, и операции какие тебя ждут. Редко кому она рассказывает, ты ей понравилась, колбасу дала, – продолжала тётя Лена.

Прошло много лет, всё, что говорила икота, всё сбылось. Сейчас я уже сама бабушка, а у меня до сих пор в ушах этот голос. Кому рассказываю, не верят. Да и понять можно, я бы тоже не поверила, если б сама не слышала. Вот такие вот чудеса, и как после этого не верить? Сейчас вспоминаю рассказы отца – и внукам своим рассказываю. Я и решила написать, чтобы знали люди, что это не выдумки, а истинная правда.

(Автор – *Татьяна Казанцева*, Юсьва,
дипломант Конкурса в номинации 3 – Художественная проза)

Им Урал стал родным и любимым

«В этот год испытаний жестоких»

Эвакуация в Молотовскую область (так в период 1940-1957 гг. назывался Пермский край) началась в первые дни Великой Отечественной войны. Прикамье дало кров и хлеб более 350 тысячам беженцев из оккупированных врагом территорий нашей Родины. Ранней осенью 1941 года в Молотов прибыл первый пароход с прибывшими из Ленинграда эвакуированными семьями и детьми. Вскоре ленинградцы не только прижились в новых условиях жизни, но и прикипели душой к суровому Уралу, его добрым отзывчивым людям. Воспитанники Ленинградского детского дома в своём коллективном стихотворении писали:

*В этот год испытаний жестоких
Оказали вы нам здесь приют,
Вы согрели детишек далёких,
Потерявших домашний уют.
Дорогие уральцы, спасибо вам!
Не забудем мы ваших забот.
Нам Урал стал родным и любимым
Вся страна о нём песни поёт!*

На пристани далёкого прикамского заводского посёлка Пожва подводы поджидали эвакуированные ленинградские семьи. Их встречали и размещали в дома, где «хозяйства были справными, а в избах было просторно и чисто». Таким «критериям» соответствовал дом моего пропавшего без вести в первые месяцы войны под Ленинградом деда Лоскутова Михаила Дмитриевича. Осиротевшее без хозяина подворье в идеальном порядке умудрялись содержать его старушка-мать Анна Петровна, потерявшая в годы войны всех своих четырёх сыновей, жена рядовая колхозница Клавдия Николаевна, да двое дочурок Валя (моя мама) 6-ти лет и четырёхлетняя Нина (моя тётя). Воспоминания мамы и тёти Нины легли в основу моего повествования.

Кто такая «телегога»?

В доме Лоскутовых сначала поселили женщину по имени Катя, кажется, по фамилии Порошина. Она была актрисой, но какого театра или жанра девочки, конечно, не знали. Неграмотная моя бабушка Клаша (Клавдия), колхозница и вечная труженица, мудрёное слово «эвакуированные» произносила как «куированные», а Катю она называла «за глаза» - «телегога», что означало «интеллигентка». Катя была действительно интеллигенткой, возможно, в Ленинграде у неё была домработница. В бытовых вопросах деревенской жизни Катя показывала абсолютную свою беспомощность. Например, пол она мыла, бросив на него тряпку, а затем натирала половицы ногой... Сестрёрки Валя и Нина, наблюдая за этой картиной с печки, не знали, что делать – то ли смеяться, то ли жалеть её... Впрочем, с весёлой и доброй Катей они быстро подружились. Катя работала где-то на складе и приносила домой свой паёк (кулёчек муки, крупы или американский яичный порошок), всё это богатство шло в общий ко-

тёл. Было жалко, что Катя прожила с ними несколько месяцев, и после того, как в Молотов был эвакуирован Ленинградский театр, она переехала туда.

Чудесная девочка

Вскоре в дом Лоскутовых определили ещё одну ленинградскую семью по фамилии Лисовские – маму звали Софья (тётя Соня), а её семилетнюю дочку Нелли (Неля). Ах, какая же это чудесная девочка – Неля! Она появилась, как принцесса из какой-то сказки! На ней была белая заячья шубка, такая же шапочка, беленькие валеночки с галошками, а ещё её украшала беленькая меховая муфточка на верёвочке через шею (предмет несбыточной мечты сестрёнок). Отец Нели был кадровым офицером Красной армии и, конечно, находился на фронте. С городской девочкой Нелей сестрёнки очень подружились, не было в ней никакой заносчивости, что они ей «неровня». Неля многому их научила, «окультурила», активная, артистичная, она постоянно участвовала в разных мероприятиях и концертах, а новых подружек всегда «таскала» с собой. Тётя Соня работала, старалась не быть обузой приютившей их семье. Не было случая, чтобы дети были голодными. Утром печь в доме всегда была протоплена, перед школой обязательный завтрак – на большущей сковородке шипели жареные на сале «рябчики» (нарезанная круглыми кусками картошка, подобие нынешним чипсам), или каша на молоке, одобренная топлёным маслицем. После школы из тёплой печи доставали чугунок с наваристыми щами, на столе всегда стояла здоровая чашка с квашеной капустой, а на плите томились парёнки (напаренные в печи в собственном соку брюква, морковь и свёкла).

Да, сильно горевали Валя и Нина, когда после снятия блокады Ленинграда тётя Соня и Неля засобирались домой. Они возвратились в родной Ломоносов (Ораниенбаум), что близ Ленинграда, и увидели страшную картину – одни руины, а на месте их дома красовалась глубокая воронка... Возможно, только там они в полной мере осознали, что далёкий уральский поселок Пожва и семья простой неграмотной колхозницы Клавдии Лоскутовой, муж которой погиб под Ленинградом, спасли их и сотни таких, как они, от неминуемой гибели.

Вместо эпилога

В начале 60-х годов тётя Соня и Неля нашли адрес моей мамы и написали большое очень тёплое письмо, суть которого заключалась в огромной благодарности и желании сделать что-то хорошее для людей, разделивших с ними свой кров и стол во время войны. Помню, что они отправляли нам несколько посылок с дефицитными по тем временам вещами. Да и как позабыть, если мне достался костюмчик неземной красоты – малинового цвета с оленями на кофточке. Соня и Неля, ставшая уже солидной дамой по фамилии Мельникова, настойчиво приглашали нас в гости. Летом 1965 года мы, наконец, собрались и поехали в город Ломоносов большой компанией, вместе с нами отправилась туда семья сестры моего отца из Березников.

Мне было 8 лет, помню, что жила семья Мельниковых в большом бараке и поджидала переезда в новый дом. Несмотря на то, что с окончания войны прошло 20 лет, ещё повсюду были ямы и выбоины от бомб и снарядов. Муж тётки Сони (отец Нели) к ним после войны не вернулся, нет, он не погиб, просто во время службы он где-то в Белоруссии нашёл другую любовь и остался там. Тётя Соня замуж больше не вышла и посвятила себя дочери и внуку Серёже. Муж Нели, Иван Мельников, был из Балтийских моряков, человек простой, добродушный и открытый, он стал

для нас гидом, который составлял план экскурсий и мероприятий на каждый день нашего пребывания на питерской земле. Увы, со временем заботами да хлопотами связь с ленинградской семьёй прервалась.

Что же помогало выжить в то суровое время нашим людям? На этот вопрос мама с тётей Ниной отвечали просто – доброта, человечность, да великое терпение, которым Господь наделил русских женщин.

(Автор – **Людмила Борисова**, Юсьва,
Победитель Конкурса в номинации 2 (Документальная проза) – 1 Место)

«Хотелось Пожву спящую обнять,
трубу, растущую из вод...» (Ян Кунтур)

(Фото – **Татьяна Мельничук**, Пожва)

К 30 октября

30 октября – День памяти жертв политических репрессий. Моя хорошая знакомая историк Римма Нестерова в своей книге ***Легенды и были Роданова Городища*** много страниц уделила этой теме. Мне тоже довелось жить в посёлке, начальным ядром которого были именно такие люди. В моём классе учились: Наташа – внучка раскулаченных, Вова – потомок сосланных на Урал поволжских немцев, Костя – сын репрессированных из Литвы, Галя – дочь военнопленного, лишённого права выезда в другие области Союза, Миша –

сын власовца, Вася – внук бандеровца (О последних двух – просто к слову). Лучшие учителя в школе были тоже из семей репрессированных. Эти подробности никогда не афишировались, просто моя мама работала, как бы сейчас сказали, в местной администрации (сельском Совете) и такие факты в нашей семье не были секретом. В детстве я и не за цикливалась на этом, в посёлке все были равны.

Жизнь – долгий марафон. Такие подробности детства постепенно стираются. Но необычная книга Риммы Нестеровой неожиданно воскресила всё в памяти, и мне бы хотелось, чтобы как можно больше людей узнали о непростых, порой трагических страницах истории нашей страны, приобретая и прочитав её произведение.

(Автор – **Лариса Лебедикова**, п. Лунино Пензенской обл., в детстве и молодости жила в п. Кама, в Перми; лауреат Конкурса в номинации 2 – Документальная проза)

Пятнистая красавица

(окрестности п. Пожва; фото – **Алексей Панфилов**, Пожва)

Лесная дорога

Лес детства

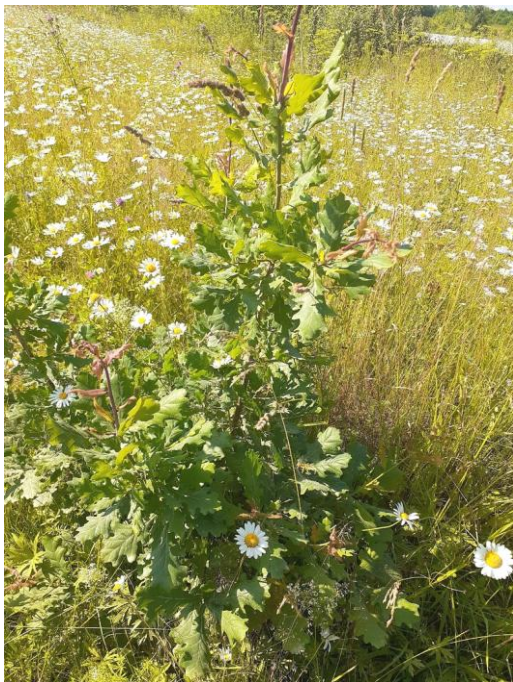
У меня никогда не было друзей, а в детстве единственным другом был лес. Он с трёх сторон окружал посёлок и начинался сразу за домом. Летом, когда родители на работе, – я каждый

день уходила туда и, хотя неважно ориентировалась, заблудиться не боялась, границей была речушка, за которую никогда одна не переходила. Я обожала этот лес – диковатый Уральский. Знала все грибы и ягоды, и растения с деревьями, конечно. Лес был смешанный: вперемешку ели, пихты, осины. На опушках встречался можжевельник, мой любимый, который на Урале почему-то называли Верес. Аромат этого леса был неповторимый: летом – землянично-грибной, осенью – пряный от опавших листьев, зимой – хвойно-бодрящий. А в лесной узкой быстрой речушке водились хариусы.

За Камой на песчаных почвах рос сосново-кедровый лес, совсем другой. Туда ездили за брусникой, клюквой, морошкой, кедровыми орехами. А за домом был только мой лес, мой друг, и знала я в нём каждую тропинку. И профессию выбрала, связанную с лекарственными растениями, к слову, они почти все лекарственные.

Сейчас живу далеко-далеко. Как ты там, мой лес...

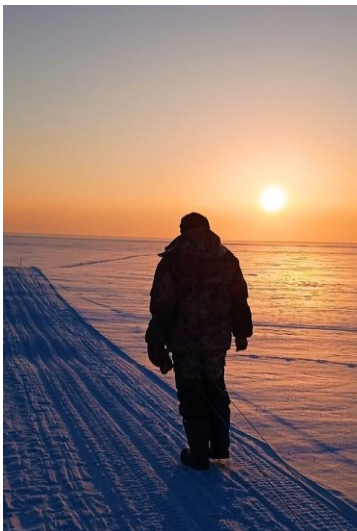
(Автор – **Лариса Лебедикова**, п. Лунино Пензенской обл., номинация 2)

Ромашковые поля вокруг п. Кама (фото – **Надежда Абрамова**, п. Кама)

Рыбацкая удача!

Ледяная рыбацкая дорога
(фото – *Сергей Субботин*, п. Кама)

Солнышко подсолнуха улыбается (фото – *Надежда Абрамова*, п. Кама)

Дорога из облаков (фото – **Надежда Абрамова**, п. Кама)

Легкий земляничный привет! (фото – **Надежда Абрамова**, п. Кама)

**Сельский клуб п. Ка-
ма прячется в зелени
деревьев (фото – *Наде-
жда Абрамова*, п. Кама)**

**Ёлкины шишки
(фото – *Надежда Абра-
мова*, п. Кама)**

Мой внук Владик Абрамов

**Велопроегулки с внуками
по п. Кама (фото – Надеж-
да Абрамова, п. Кама)**

**«Я Владик, и я умею ле-
пить пельмени!» (фото –
Надежда Абрамова, п. Кама)**

**Приходите к нам
на огонёк** (фото –
Надежда Абрамова,
п. Кама)

**Первый бабушкин по-
мощник** (фото – **Надежда
Абрамова**, п. Кама)

Владик Абрамов помогает плести маскировочные сети (фото – Надежда Абрамова, п. Кама)

А дождь мне совсем не помеха! (фото – Надежда Абрамова, п. Кама)

Чудо-камень, исполняющий желания

Коми-Пермяцкий округ богат своими традициями, легендами и быличками. Вот одна из них: есть в селе Архангельском, что в Юсьвинском районе, интересный артефакт на территории сада при церкви Михаила Архангела. Чудо-камень, по преданию, метеоритного происхождения, по внешнему виду похожий на большое седло. А, по словам местного краеведа, камень этот более ста лет назад приволокли из глухой чащобы в дальнем лесу, где он, якобы, и упал с неба.

Небесный камень в церковном саду села Ошиб

«Вот посидишь на этом чудо-камне, поговоришь с ним о своих бедах, хворях или иных каких проблемах, или заветное своё пожелание загадаешь, да маленькую монетку в подношение оставишь – глядишь, и болезни ушли, и желание выполнилось. Таков вот «Камень исполнения желаний». Сама на нём сидела да мысленно представила себе желание своё – и точь-в-точь исполнилось всё в течение года», – рассказывает Марина Чжан.

Добраться до камня проще простого: от Перми на рейсовом автобусе едем до райцентра села Юсьва, откуда по хорошей дороге и 8 км пройти не грех – идёшь да красотой природы родной любишься. Вот и мы по этому пути двигаем.

Дорога из Юсьвы в с. Архангельское

Проходишь мимо деревни Коммуна (одной из первых «ласточек» новой сельской жизни в крае, ещё с начала 20-х годов прошлого века. Эх, кабы не колхозы насильственные, а вот такие добровольные поселения, да разного типа – и жили б на селе люди, не тужили) с красивейшей аллеей из лиственниц.

Аллея лиственниц в д. Коммуна

Река Иньва

Грибной лес на взгорке по-над рекой Иньвой, слева – модули нового животноводческого комплекса. Церковный сад со старыми деревьями, и кедром, в том числе.

А гостей как привечают! Приезжайте, не пожалеете!
(Автор текста и фото от 11.09.2010 – **Ал. Тимшин**, Пермь)

Городище – земной рай. Моя малая родина

Решил принять участие в вашем конкурсе.

Я живу в Перми. Когда вышел на пенсию, решил обосноваться на своей малой родине, в Юсьвинском районе. Здесь в сплавном рейде работали мои родители:

Здесь они похоронены. Это «место силы» для всей нашей большой семьи, для моих сестёр, для моих детей и внуков. Мы отремонтировали родительский дом. Я теперь живу здесь постоянно. Места у нас удивительные.

Речка Городищенка, которая впадает в Каму

Если где-то есть рай земной, то он точно в нашем Городище на берегу речки Городищенки. Таких красивых мест вы больше нигде не найдёте.

Мои фотографии без всяких слов подтвердят мои слова:

Любимый дом на берегу речки Городищенки

Зимняя рыбалка. Рыбаков на Каме много, везёт не всем

Любимое хобби – рыбалка (как зимой, так и летом)

**Моя семья без рыбы не живёт.
Мы её жарим, запекаем и сушим**

**Жена предпочитает рыбу, запеченную на углях.
Соседки ей завидуют**

**С любимыми сёстрами на берегу любимой речки
во дворе любимого дома**

Внуков к рыбалке приучаю с детства (автор – *Наиль* (Николай) *Якупов*, дипломант Конкурса (Специальный диплом) в полуноминации Фото-рассказ, примыкающей к номинациям 1 – Родные просторы и 2 – Документальная проза)

Александровск

Мой Александровск

Над контурной картой	Мой славный,
склоняясь,	родной Александровск,
В цвета облакаю Россию,	Название о чём говорит?
Хочу и стремлюсь, и стараюсь,	В нём вижу начало начал я –
Чтоб всё получилось красиво.	Собой он открыл алфавит.
Зелёного цвета – низины,	Здесь золото в недрах таится,
А жёлтые здесь – плоскогорья,	Тайга поднялась до небес,
И синий – неотразимый,	Алмазами речка струится,
Он – символ реки или моря.	Наш град – воплощенье чудес.
И будут на карте той точки,	ГРЭС ток подаёт населению,
Забегают, словно живые,	А шахтам машины – завод,
Сливаясь в круги и кружочки:	У нас здесь
В свои города, не чужие.	покончено с ленью,
Да, крупные очень известны.	У нас, ведь,
Губернии здесь и столицы,	прекрасный народ.
А малые – просто прелестны,	Не верите? Милости просим!
Хоть их и не знают	Живём далеко? Не беда!
«по лицам».	Желанным вы будете гостем,
А я расскажу вам о малом,	Вам здесь будут рады всегда.
Но очень в судьбе моей	С тобой не сравню и столицу...
важном,	И здесь я заметить должна,
Где дом мой, где папа и мама,	Что может тобою гордиться
Где школа, где улица наша.	Россия – большая страна.

(Автор – **Валентина Колпакова**, Александровск,
дипломант Конкурса в номинации 4 – Поэзия)

* * *

Я слушала в палатке шум дождя,
На стенках капельки его считала,
А по соседству спят мои друзья,
Уставшие походники со сплава.
А мне не спится, комаров ловлю,
Пищат над ухом, нервы "накаляя",
Не попадая в ноту, ни в одну,
Всем нашим песням нагло подпевая.

Шумит за слабой тканью древний лес,
Рассказывая сказки, – усыпляет,
А ветер кроны всё качает до небес –
Так сам себе он музыку играет.
Река волною бьётся в берега
И гребни белой пены поднимает,
Порогами грозит издалека,
И вместе с тем - баюкает, качает.
Что гонит нас неведомо куда?
То жажда жизни, новых ощущений,
Краса природы, реки, берега,
Ну и, конечно, теплота общений.
Не надо денег, лишних барышей,
Мы одержимы новизной открытий,
Искрами костра, летящими всё быстрее.
У гитариста пальцы уже сбиты.
Пусть будет так! Готовы снова в путь!
Свои плавсредства рьяно загружая,
Романтики плывут куда-нибудь,
Лишь комаров на месте оставляя.

* * *

Без устали стучит мне дождь в окно,
Как будто музыку свою играет,
И хочется слова к ней подобрать,
И вместе с ним пропеть, как подобает.
Мелодия, похожая на блюз,
Где бесконечны – и печаль, и слёзы,
С начала до конца – сплошная грусть,
И меланхолия сквозь грёзы.
У каждого из нас свои слова,
И можно вторить блюзу бесконечно,
И каждый может что-то рассказать,
Но дождь всё забирает в вечность:
Печаль о прошлом, что ушло,
Как лист опавший и озябший,
Тоска о том, что не сбылось,
Хотя могло быть настоящим.

Нет, не нужны дождю слова,
Он весь – как музыка сквозь годы,
И слушаю я блюз дождя,
Как лучшую мелодию природы.

* * *

И вот уже опять всё в белом –	Я так боюсь за наши души,
Деревья, улицы, дома,	Чтоб не замёрзли от тоски.
Так незаметно и бесшумно	А греть, наверно, лучше чаем,
На землю подошла зима.	С друзьями, да у камелька,
Зачем она опять вернулась	Да с песнями, и под гитару,
И, белым саваном накрыв,	А в чай добавить коньячка.
В безмолвье грусти окунула,	И отойдут тотчас сомненья,
Затормозила снова жизнь?	Печаль развеется вся враз,
Я так боюсь её морозов,	И чай поднимет настроенье,
И заполюшный вой пурги,	И холод будет не про нас.

(Автор – **Наталья Акиньшина**, Александровск,
Лауреат Конкурса в номинации 4 – Поэзия)

Обидчивый какой (рассказ из жизни)

В то лето работала наша геологическая экспедиция на севере Пермского края. Объект для исследований находился неподалёку от небольшого посёлка под названием Чикман. На его окраине мы и обосновались. А домом нам служил железный балок. Это вагончик такой.

Дни стояли жаркие. Дверь у нас всегда была открыта. А чтоб комары не налетели, мы вход марлей занавесили. Мимо нашего жилья по утрам проходило поселковое стадо. И был в этом стаде здоровенный бык. Он считал своим долгом каждый раз заглянуть к нам. Сначала в узком дверном проёме появлялась огромная рогатая голова, с которой белоснежной фатой свисала наша марлевая занавеска. Затем бык деловито осматривался, после чего раздавалось его басовитое «Му-у-у!». Мол, смотрите тут у меня! От этого рёва мурашки пробегали по коже. Оставив смятую марлю, бык удалялся.

Так продолжалось несколько дней, пока сия утренняя процедура не стала нас утомлять. И вот однажды, во время очередного бычьего визита, я взял пачку «Беломорканала» и

предложил одну папироску нашему рогатому «крутому» гостю. Бык шумно вдохнул воздух, высунул язык и слизнул с руки необычное угощение. Строго глядя на меня, он прожевал папиросу. Я дал ему вторую. Процесс оказался увлекательным, и вскоре от пачки ничего не осталось. Равнодушно икнув, бык сделал шаг назад и степенно удалился.

Я поправил марлю и начал собираться на работу. Минут через пять с улицы донеслось: «Ичх-ха! Ичх-ха! Ичх-ха!». Мы с ребятами переглянулись. У меня что-то ёкнуло внутри. Кто-то сказал: «Похоже, бык подышает. Перекормил ты его». Я выскочил из балка и, пройдя метров двадцать, увидел быка. Просунув голову между стволами развесистых ив, он неистово чихал. Из выпученных глаз катились слёзы, с морды свисала слюна. Быку было явно нехорошо.

Наконец, прочихавшись, бедолага направился прочь от злополучного места. Он шёл, время от времени мотая головой, как бы рассуждая: «Эк меня угораздило. Надо же».

На следующее утро, когда проходило стадо, я специально вышел посмотреть, как там чувствует себя наш любитель «Беломора». Он брёл на почтительном расстоянии от балка, даже не глядя в нашу сторону. Обиделся, наверное.

(Автор – **Андрей Баженов**, Пермь, лауреат Конкурса в номинации 3 – Художественная проза)

Бусидо (триптих) **САМУРАЙ**

1. Тень

Тень острия меча пронзила душу.
Всего лишь тень, но раз – и нет души.
Быть одиноким – словно быть бездушным,
А быть бездушным – словно жить в тиши.
В тиши, где нет ни вскрика и ни вздоха,
Где негасимо яростный горный свет,
Где тихой сапой целая эпоха
Крадётся между призрачных планет.
Где ты и Мироздание едины,
Где больше нет судьбы, лишь пустота...
Но самурай стоит непобедимо,
Пока его синоним – чистота.

2. Дайсё

Быть самураем, я скажу, непросто,
Служить даймё и видеть в этом Путь,
Порой не задавая тех вопросов,
Что могут вскрыть любых сомнений суть.
Но смелость жить, и быть к себе нещадным,
И гордость, что дана не просто так.
Дайсё кроваво, зло и беспощадно
Возводит в степень высшую, как знак.
...Течёт река, соединив эпохи,
Нанизав дни, как бусины, на нить.
Прошла война, и вроде, всё неплохо,
И, вроде, даже можно, можно жить.
И самурай, в служении достойный,
Выходит в поле, но не быть войне...
И пусть стареют с воинами войны,
Пока дайсё пылится на стене.

2.06.2020

ДВОЕ

Моему коту Стёпке

1. Побег

Эпоха Нобунаги измельчала,
Поникла, словно сорная трава.
Богиня корысти, забвенья и печали
Сошла с небес, коснувшись нас едва.
И мы великие и гордые знамёна
Сложили, словно дань, к её ногам.
Шепча, порою, даже вдохновлённо,
Каноны клятвы низменным богам.
Лишь только он не бросил своё знамя,
Лишь только он не предал бусидо,
И чудища с огромными когтями
Пришли за ним, в его родовой дом.
Но утро разорвало тьмы блокаду
И через время, средь горящих звёзд,
Путь показало воину в награду,
За то, что жил, не "поджимая хвост".
И воин вышел в предрассветный сумрак –
Он знал, дорога будет нелегка,

А я за ним: хвостатый, рыжий, умный,
Бесстрашный кот – багряные бока.

2. Поиск

Звук тетивы порой подобен грому.
Я прячусь под кустом в глухом лесу.
Мы подружились здесь, вдали от дома,
Но это, знаете, сейчас не суть...
Мой друг опять кого-то убивает,
Посланцы Тьмы на наш напали след.
Такое хоть не часто, но бывает,
Здесь, среди останков умерших планет.
Уже не первый месяц мы в скитаньях,
Он, самурай, и я, дворовый кот,
Мы ищем мир, что, в общем-то, не тайна,
А также в наше время отворот.
Мы столько раз сворачивали, было,
В надежде, что сейчас в последний раз...
Но все пути вели к пустым могилам
И городам, чья жизнь оборвалась.
И мы тогда опять по той дороге
Шли между звёзд, чьё сердце жёг огонь:
Суровый воин, вежливый и строгий,
И рыжий кот, мурчащий, только тронь.

18.06.2020, Яйва – Пермь

ГОРОД

1. Расёмон

Белёсое солнце чужих городов
Купало в пыли свои крылья.
Мы, словно, в плену у космических льдов
Пытались бороться с бессильем.
Мы видели космос. И сотни планет
Нам домом бывали в дороге.
И чувство, что нам уже больше ста лет,
Вперёд нас толкало в итоге.
Устав по космическим трассам ходить,
И спать среди звёздных обломков,
Однажды увидев следов чьих-то нить,
Мы поняли: путь наш разомкнут.

Разомкнут, разрублен мечом пополам,
Судьбою не склеен, не связан,
И город в дали, как пристанище, нам –
Последний в Пути нашем пазл.
И что-то манило шагнуть нас туда,
Влекло бесконтрольно и сильно.
И нам всё равно было, пусть хоть беда,
Хоть что ждёт нас в городе пыльном.
А город слепил сотней тысяч глазниц,
В безумстве стекла и бетона.
И памятный столб, как хранитель границ,
И надпись на нём: Расёмон.

2. Токио

Структура невиданных нами домов
Пронзала небесные выси.
Отсюда ушли мы, покинув свой кров,
По выданной вечностью визе.
Ушли. Да! Но, только пятьсот лет назад!
Из мира, что тонет в кошмаре.
Где Токио был Тьмой навеки распят,
И брошен в крови и угаре.
И вот мы вернулись. Бездонная синь
Смотрела на нас, улыбаясь,
Стекло и бетон – куда взгляд свой не кинь,
Встречали нас, в небо вонзаясь.
Мы, дань отдавая немногим родным –
В веках затерявшимся предкам,
Решили исчезнуть как морок, как дым,
Что, в общем-то, делали редко.
Не наш город! Время не наше! Ничуть...
Устои, и те поменялись.
И мы не могли в нём остаться. Лишь Путь
Был жизнью. Мы с нею справлялись...
Последний день. Город остаться нас звал.
Ночь души пластала когтями.
Но я не поддался, я верил, я знал,
Что нас это всё не затянет.
И вот, лишь рассвет заиграл средь домов,

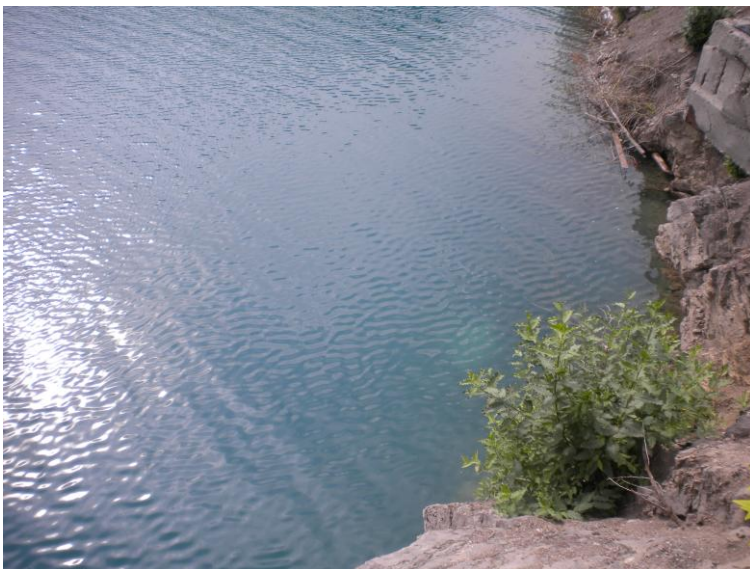
Мы вышли из тьмы и бетона.
Наш путь, как всегда, труден был и суров, –
Он стал нашим признанным домом.
24.06.2020, Яйва – Пермь (Автор – **Андрей Зебзеев**, п. Яйва,
лауреат Конкурса в номинации 4 – Поэзия)

Голубое озеро 1 от 26.07.2010 (фото – **Марина Чжан**, Пермь)

Голубое озеро 2 от 7.10.2018 (фото – **Ал. Тимшин**, Пермь)

Голубое озеро (фото от 20.07.2013 – Ал. Тимшин, Пермь)

Голубые озёра

Мультик в гости к нам идёт – «Машенькины сказки».

Маша с Мишкой бредёт рядом, без опаски.

Появился тут поэт: - Вот подслушать их бы,

Чтоб оставить в том свой след, подобрать бы рифмы.

Миша знает край наш весь. С Машей в разговоре

Молвит: - Море было здесь. Пермским звали море.

Шли века, года и дни, пересохло море...

Что оставили они на земном просторе?

Маша, чудо посмотри – камень известковый,

А снаружи (не внутри) след многовековый.

Здесь животный мир тех лет нам оставил оттиск,

Словно каменный привет иль автограф – подпись.

Ну, а человек – не спал, – Михаил продолжил. –

Технику с собой пригнал, чтобы край наш ожил.

Экскаваторы пришли, мощные БелАЗы,

Взрывники не подвели – вместе все и сразу.

Стала заполнять вода скважины земные.

Море отдало тогда воды грунтовые.

Отстоялась та вода, что «с морским приветом»,

Дав озёра навсегда голубого цвета.

Бирюза во всей красе, цвет – красивый самый,
Как твой, Маша, бант в косе, как глаза у мамы.
Летом у озёр народ, здесь туристов море,
База отдыха зовёт – радость на просторе!
Кружат чайки над волной, видят Маша с Мишей:
Мчатся с горки надувной дети. Смех их слышен.
Стая резвых рыб в воде, чуть страшась, играет...
Где-то дайвер. Где он? Где? Вдруг он нас поймает!
Приезжают и зимой смельчаки-туристы.
«Поныряем, братец мой?! Мы ж аквалангисты!»
Снова чайки над волной, строй катамаранов...
Александровск наш родной – край озёр и планов.
А планируют не зря Михаил и Маша
Встретить вас у нас, друзья, на озёрах наших.

Единение

На первый взгляд суха природа, нет в ней ни сердца, ни ума.
А делает всё, что угодно, и властвует над всем сама.
Иду по лесу, озираюсь, лес свежим инеем объят.
Ну, как же так, понять стараюсь, деревья, обнявшись, стоят?
И лишь природе так подвластно два дерева соединить,
Переплести, что ежечасно и много лет друг с другом быть.
Стоят под небом бесконечным, едва их шёпот уловим,
И шепчут на ухо о вечном – о мире, дружбе и любви.
Стоять, обнявшись две подруги – берёзка стройная и ель.
Им не страшны мороз и вьюги, зной летний, ливни и метель.
Любуюсь их союзом тесным,
их дружбой крепкой, как гранит...
А, может, и народы вместе Природа вдруг соединит?!

Таёжные штрихи

День за днём, от года к году с зимним лесом я в ладу.
За уральскою природой наблюдения веду.
Отправляюсь по тропинкам неизведанным гулять,
Я беру с собой корзинку – буду рифмы собирать.
Наслаждаясь леса тишью, полной грудью я дышу,
Мысленно четверостишья на сугробах напишу.
Зимний лес... Здесь всё волшебное. Сосны, ёлки до небес,
Воздух чистый и целебный, море сказочных чудес.

Мой язык как будто скован...

Мой пароль: «В движенъи – жизнь!»

Леший – рад: «Ну, будь здорова, в лес ходи, за жизнь держись!»

Слышу стук... Немного трушу. Замирает сердце вдруг.

Кто же тишину нарушил? Враг лесной, а, может, друг?

Дятел, туго зная дело – оглушает треском лес:

Из коры обледенелой достаёт «деликатес».

У медведей – дисциплина: не шатаются в лесу.

Спят они зимою длинной, лапу «сладкую» сосут.

Белка поперёк дороги пролетела, пронеслась,

Показала хвост и ноги и на ёлку забралась.

Чей-то крошечный следочек. Пробежала мышка тут

По сугробу, под листочек... Здесь нашла себе приют.

Вдоль дороги, словно рельсы, простирается лыжня.

Мчится лыжник, скрипом-песней в даль таёжную маня.

Самолёты пролетают над тайгой за рейсом рейс

И автограф оставляют – след свой, словно монорельс.

Карканье по всей округе во всю глотку. Это он,

Ворон, что своей подруге объясняет, как влюблён.

Разукрашенная ёлка. Вечер. В звёздах небосвод.

Лапа в лапе – зайцы, волки, белки водят хоровод.

Наблюдаю, обобщаю все таёжные штрихи.

В результате превращаю, что увидела... в стихи.

Подснежник

Друзья мне подарили очень нежный

России чернозёмной первоцвет –

Весны предвестник, синенький подснежник.

С тех пор прошло довольно много лет.

Подснежник я на даче посадила,

Я им налюбоваться не могла,

Лелеяла его, огородила,

А вот земля его не приняла.

Уральская земля... Плитняк и глина...

Иль ей не надо этой красоты?

Но час настал... Вдруг дивная картина:

Пробились, засинели здесь цветы.

Подснежник... я склонюсь над ним любовно,

По-дружески мы с ним поговорим.

В тот миг я в детство возвращаюсь словно,
Мир детства и цветов неповторим.
Всё в памяти – Тамбовщина, Воронеж,
Подснежниками усталая Русь.
Вдруг юности друзей невольно вспомнишь,
Всех тех, с кем по сей день не расстаюсь.
Мы связаны с тобой, подснежник синий,
Одной судьбой, как ниточкой одной,
С Центрально-чернозёмною Россией,
А силы нам даёт Урал седой.
Мы тут выросли. Мы здесь пустили корни,
Подснежник, друг, весенний первоцвет,
И заявляем, что весьма бесспорно:
Уральцы мы! Сомнений в этом нет!

Точка на карте (из воспоминаний)

Когда воспоминанья дней прекрасных
Нахлынут, как стремительный поток,
Беру я в руки карандаш и ластик
И заполняю рифмами листок.
Распределение. Путь пройдя тернистый,
Студенчества кончается пора.
Мы – без пяти минут специалисты –
И ждут нас школы, классы, детвора.
Кто группками, а кто поодиночке,
На карте, как в Генштабе, в дни войны,
Искали ту единственную «точку»,
Где будем и полезны, и нужны.
Калмыкия кого-то приковала,
Других иль Сахалин, или Сибирь,
Меня манил опорный край державы –
Седой Урал, былинный богатырь.
Я на Урале навсегда осталась:
Мне полюбился город молодой
С прекраснейшим названьем – Александровск
И стал мне путеводною звездой.
Всё было ново в жизненном пространстве,
Вокруг тайга, куда ни повернись,

А город был похож на государство,
Где правит труд. Работай, не ленись.
Средь предприятий он здесь самый главный –
Орденосный старый машзавод.
Там тысячи людей, династий славных
Достоинно трудятся всю жизнь из года в год.
А выпускают здесь для шахт машины.
Их с нетерпением ждут Донбасс, Кузбасс,
Монголия, Иран и Аргентина,
Болгария, КамАЗ и АвтоВАЗ.
В соседстве с ним другой завод – кирпичный –
Продукцию он стройкам поставлял.
Кирпич изготовлялся на «отлично»
И качеством свой город прославлял.
СМУ город превращало в новостройку,
«Хрущёвки» повсеместно поднялись.
На двухэтажки сталинской застройки
Пятиэтажки смотрят сверху вниз.
Растут дома. И будет новоселье.
За детские площадки во дворах,
Аттракционы, радость и веселье,
Не раз спасибо скажет детвора.
Зимой, весной, осенью и летом,
И в дождь, и в слякоть, и в любой мороз
Лес корчевал, разделявал при этом,
Нёс трудовую вахту леспромхоз.
Что делал леспромхоз? В шестидесятых
Снят фильм был (леспромхозу посвящён).
Он снят был в Яйве, это фильм «Девчата».
Что делал леспромхоз? Расскажет он.
Дороги, тротуар асфальтом синим
Покрылись. Загляденье. Красота.
Прекрасен город, часть большой России,
Не город, а девчоночья мечта.
Здесь служба быта бурно развивалась.
А золотые руки мастериц
Такие шили платья, что, казалось,
Не женщин одевают, а цариц.

И волосы завьют и их уложат,
Тем умиряя норов шевелюр,
А обаяние женщин преумножит
Красивый, аккуратный маникюр.
А чтоб мороз трескучий был не страшен,
Из толстой шерсти свяжут шапку вам
И тёплый шарф, и кофту, и гамаши
Наперекор и стуже, и ветрам.
А пищекомбинат варил варенье
И выпускал вкуснейший лимонад.
А пряники?.. Ну, прямо, объяденье,
Батончики (конфеты) – просто клад!
Плюс общепит со множеством столовых –
И городских, и школьных, цеховых –
Обильем блюд и вкусных, и дешёвых
Встречает посетителей своих.
Был техникум и «детских» школ немало.
А чтоб учиться можно было тем,
Кому война учиться помешала,
Открыли школу взрослых – ШРМ.
В профтехучилище, кто с детства очень хочет
Профессии рабочей жизнь отдать,
Обучат, посвятят их в класс рабочий,
На подвиг трудовой благословят.
И был здесь «горный институт», к примеру,
Точней, не институт, а филиал,
Готовил машзаводу инженеров,
Технический процесс он развивал...
Меня же скоро встретят школа, парты,
Ученики, которых обучу...
Такая точка выбрана на карте...
И я другой, пусть лучшей, не хочу.

(Автор – **Валентина Колпакова**, Александровск, номинация 4)

Три души

Когда мой внутренний туземец, Впадая в первобытный транс,
Прикрыв рукою ярость глаз, Свой отпуская дух на волю
В шаманском танце По тропам огненных миров,
крутит землю, Туда, где отзываясь болью,

Одно, без всяких докторов,
 В груди Вселенной
 бьётся сердце,
 Давно желая взять антракт.
 Лишь танец моего туземца
 Его поддерживает такт.
 Когда туземец исчезает,
 Грудь разорвав, выходит он –
 Прохвост,
 пройдоха и красавец,
 Европы Западной пижон.
 Он растворяется за дверью
 В неоне уличных огней.
 Но только я ему не верю.
 Душа... к нему нет веры в ней.
 И вот, когда Европа грустно
 Глядит на созданный им «рай»,
 Призвав на помощь
 всё искусство,
 Встаёт мой гордый самурай.
 Он, молча, вырастает, будто
 Из тела, как из-под земли,

1.06.2020, Пермь (Автор – **Андрей Зибзеев**, п. Яйва, номинация 4)

В душе живёт и дышит Будда,
 И мысли, словно корабли,
 Плывут, чело не омрачая, –
 Застыл в осанке гордой стан.
 Он страж Вселенной,

дух печали

Для тех, кто

против него встал.

Законы Бусидо навеки
 Переплелись в его душе,
 Он – честь и совесть человека,
 Их первозданное клише.
 Скажу вам: властен над судьбою
 Тот человек, в ком три души
 Живут спокойно меж собою,
 Своим приняв мир, не чужим.
 Но слишком часто я встречаю
 Бездушных и пустых людей,
 И вновь когтями

рвёт отчаянье:

Жизнь.

Что же дальше будет с ней...

ТерраКотта 2013
 (п. Всеволодо-Вильва,
 20.07.2013, фото –
Ал. Тимшин, Пермь)

Шабурная

Старинное название Всеволодо-Вильвы – Шабурная или Шабурное (шабур – мужская одежда). Говорят, так прозвали сбежавшего с копей работника, который поселился в здешних местах. *По одной версии*, работник был молодым парнем, удалым и отчаянным. Влюбился удалец в девуцу под стать себе – бесшабашную дочку начальника рудника и сбежал вместе с ней. Позднее к ним примкнули такие же сорви-головы или бедолаги. Так и возник починок. *По другой версии* – сбежавший был уже стариком, он хорошо знал травы и стал заниматься целительством. Как бы то ни было, но постепенно к беглецу прибился народ. Так появилась деревенька.

Легенда о целителе

Старик Шабур (Шабур ли он был на самом деле?), сбежавший с копей каторжник, долго выбирал потаённое место для жизни в глухой уральской тайге. Остаться одним среди немеряного океана лесов бывший каторжник не боялся. Жизнь была горькой, натерпелся всего, чего уж тут бояться. Да и зверь добрее человека иной раз.

- Проживу с Божьей помощью, – думал он. Остановился на высоком берегу Вильвы, оглядел окрест землю и решительно воткнул посох в небольшой пригорок:

- Здесь Отныне!

Построил хижинку, кое-как обустроил быт, питался, чем Бог пошлёт: рыбой, кореньями, ягодами. Всего вдоволь. Рыбу хоть руками лови. Стал заготавливать травы от разных хворей. Мало ли чего?

Вот ведь как интересно устроен Божий свет. Вроде нетронутая глухомань: белка на руку садиться, бурундуки в хижинке промышляют, не обращая внимания на хозяина, – а люди откуда-то приходят. И знают о тебе, всё знают! Просят – помоги, исцели. Отказать нельзя. Тайга не любит отказа в помощи. Так и стал Шабур целителем в этих местах. Толк в травах от бабки помнил, как лечить – чутьё подсказывало, да и на себе проверял. Ни разу не ошибся.

Денег не брал. А уж если кто настойчиво совал их в руку, то просил сходить в священную пещеру на берегу реки и сделать из пещерной глины куколку. Это и будет платой. Когда куколок набиралась полная корзина, шёл на базар. Путь был дальний, неделей не обходилось.

Менял куколок на нужный товар, но на тот, который хозяин отдаст без сожаления. Не к каждому человеку подходил, а выборочно. Знал Шабур, кто будет отнекиваться от игрушки, а кто примет с радостью.

Вскоре люди стали замечать, что куколочки старика непростые. Это обереги-помощники. Там от пожара спасли. Там из тайги охотни-

ка вывели. Там заблудшую корову помогли отыскать. Теперь уже многие хотели куколку от Шабуря заполучить, но не всякому она давалась.

Однажды старик предложил свой товар местному бедняку. Бедняк сначала растерялся: нет у него ничего взамен. Но вдруг вспомнил о стальной игле, с изнанки приколотой к одежонке. Вмиг размотал нить, достал иглу и протянул её старцу. А куколку повесил на ту же нить на шею. На другой день бедняк этот нашёл в реке золотой самородок. Пошёл умыться и нашёл. Но вот незадача: когда доставал золото из реки, куколка непонятным образом отцепилась от нити и скользнула в воду. Искал её обрадованный бедняк, но она вмиг исчезла. То ли утонула, то ли уплыла.

Прослышал про золотую находку богач. Взял сломанную непригодную иглу и поехал на базар. Нашёл Шабуря и предложил свой бракованный товар целителю. Старик не отказал. Заполучив желаемую куколку, богач поспешил к реке.

Поздно вечером хватились домашние: нет хозяина, с базара не вернулся. Работники кинулись искать. Нашли не сразу. Через несколько дней обнаружили в реке. Утонул богач. Когда доставали, то увидели, что на шее у него вместо куколки верёвка с тяжёлым камнем.

(Автор – **Татьяна Пермякова**, Пермь, эксперт и друг Конкурса)

Здравствуй, Пермский край!

Зарисовки и впечатления о путешествиях и вылазках, 1

Друзья! Сейчас мы с вами совершим увлекательную экскурсию в удивительное место – место, где жили давным-давно (более 10 тысяч лет назад) древние люди. Это пещеры на реке Чаньва. Одна из них – на правом берегу – пещера Тайн, а другая – на левом берегу реки – Вогульское капище. Это наиболее известные и легкодоступные из Чаньвинских пещер.

Итак, едем на рейсовом автобусе из Перми до Яйвы Александровского района. Добираемся до реки Чаньва (более 30 км) хоть пешком, хоть на попутке, хоть на местном автобусе Яйва – Скопкортная (если он ходит). (При наличии личного авто задача значительно упрощается, но уходит эффект сопричастности с природой – доехал, поглазел, намусорил, – и домой).

На берегу реки можно отдохнуть (поставить палатку, порыбачить серебристого хариуса, посидеть у костра, остаться на ночёвку), а

можно и искупаться (или окунуться) в холодной водичке ночью в полнолуние (что потрясающе красиво и очень романтично).

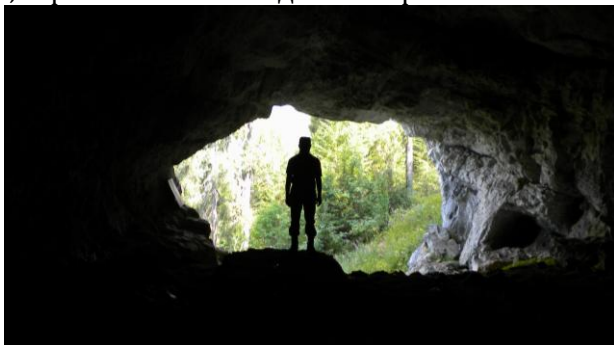

Переходим реку по мосту, сразу слева – тропинка в лес. По ней мы и отправляемся на поиски пещеры Тайн, что удаётся далеко не сразу – походить по лесу придётся, а тропинка-то извилистая, лес густой, трава высокая, потеряется тропинка – вот и ищи её. Но вдруг как-то неожиданно прямо перед нами открывается пещера.

Высота свода, конечно, поражает, огромный грот – много грузовиков, говорят, увезли отсюда с результатами раскопок – костями древних животных (пещерных медведей, быков, лосей, да кого помельче), всё это осело во многих палеонтологических музеях мира.

Однако, пора и нам что-нито да посмотреть...

Силуэт на фоне выхода *

Какие кости!

После отдыха – снова в путь, на поиски второй пещеры. Изучаем карту, чтоб найти хоть какие-то ориентиры. Отдыхающие на реке пещеру не нашли. Но мы-то найдём, потому что иначе просто сидели бы дома. Вот, наконец, дорожка приводит нас к

берегу реки – такое ощущение, что попадаешь в другой мир, будто переносишься в те далёкие-далёкие времена. Тропа ведёт вдоль крутого скалистого берега. Входим в удивительный и таинственный лес, в котором стоит звенящая тишина – ни тебе шелеста ветерка, ни пения птиц. Священная тишь. Вот старый пенёк, а вокруг него пенёчки поменьше – будто Лесной дедушка ведёт беседу со своими внучатами. Вот две берёзы на пути – с руническими знаками, они – как ворота.

*

Входим – и открывается большая поляна – как зрительный зал, где вместо сцены Святилище древних.

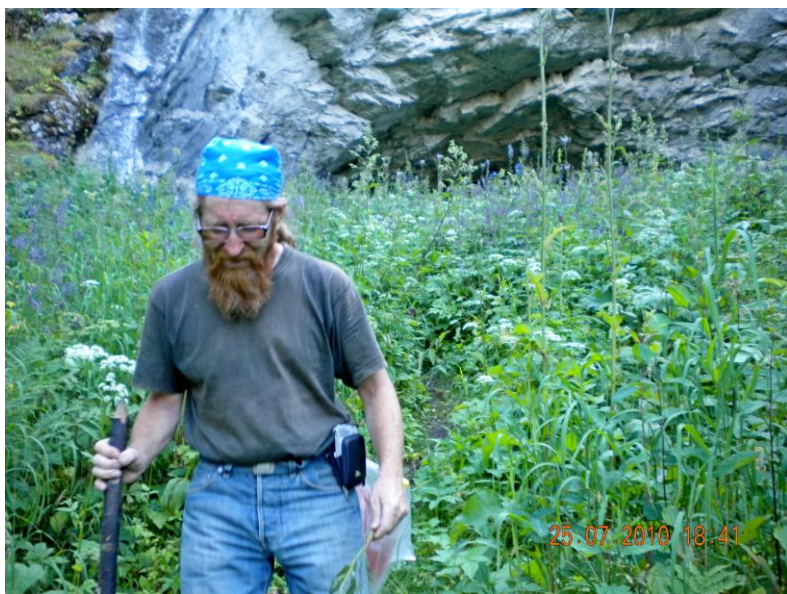
Об этих пещерах говорится даже в старой российской энциклопедии Брокгауз-Ефрон: Белая гора на реке Чаньве (притоке реки Яйвы), что в Соликамском уезде, «замечательна обширной пещерой, имеющей, по всей вероятности, большое значение для вогульской археологии; по преданиям, она была общим капи-

щем для вогулов. Пещера почти вся завалена костями лосей и оленей; были в старину и деревянные изваяния божеств». Ныне костей нет, налицо ямы – остатки раскопов, да у входа поставлен чур (резной деревянный идол) богини Макошь.

В целом, обе пещеры производят довольно сильное впечатление, как своей положительной энергетикой (на фото явно просматривается нечто не уловимое простым взглядом: и «синий ореол» вокруг выхода, и каменные лики), которой подпитываешься, так и величием и красотой сих мест.

* (24-25.07.2010; автор текста, и фото – **Ал. Тимшин**, Пермь;
фото, отмеченные * – **Марина Чжан**, Пермь)

Лесной прудок (окрестности Александровска, 24.06.2017,
фото – **Марина Чжан**, Пермь)

Бард и кузнец Николай Шабунин на фестивале TerraКотта
(20.07.2013, фото – **Ал. Тимшин**, Пермь)

Кизел

Виды города Кизел (17.08.2019,
фото – **Марина Чжан**, Пермь, Советник и эксперт Конкурса)

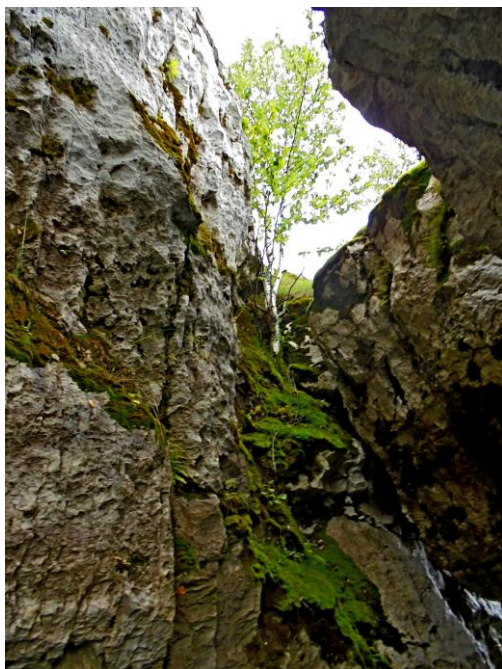

У фонтана в парке (Кизел, 17.08.2019, Марина Чжан;
фото – **Ал. Тимшин**, Пермь)

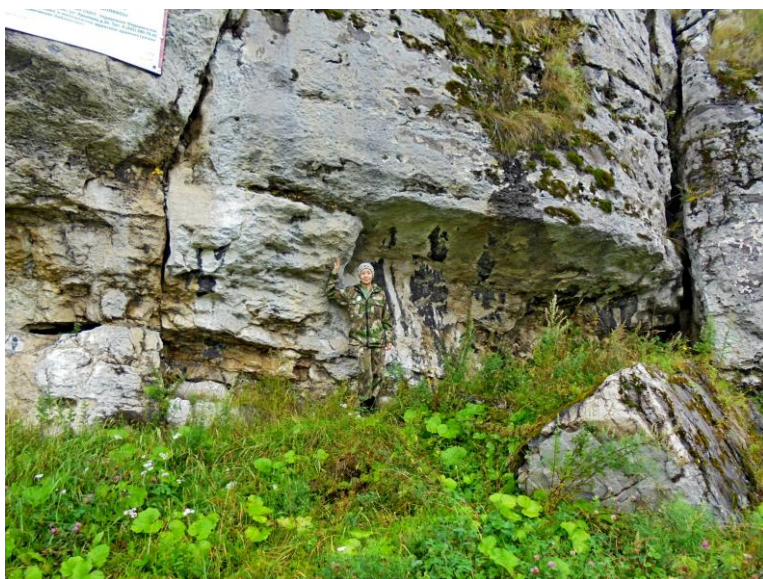

Кизеловская пещера (п. Шахта, Виашер, 17.08.2019,
8 фото – **Марина Чжан**, Пермь)

(17.08.2019, фото – **Ал. Тимшин**, Пермь)

Гора Ослянка

22 июля 2022, вечер, около десяти... Постепенно собирается у Политеха небольшая группа искателей, или испытателей, или узнавателей мира, или просто – неусидчивых людей, у

которых немного есть крылья, позволяющие им двигаться по Земле, а уж по Пермскому-то краю и подавно... И я с ними. Турклуб «Гора», наш давний организатор чудесного, ныне забравшийся в немыслимые и неподъёмные для нас (с Мариной) дали, предоставляет местное путешествие выходного дня, да ещё в так манящие меня места – горные массивы Ослянка и Еранина Деревня, да ещё «в одном флаконе» (моя благодарность!)... Конечно, я тоже попросился, хоть и скребла меня мысль: а смогу ли сейчас выдержать темп, более приличествующий людям помоложе, нежели мне сейчас (но ведь ходил же раньше, на Конжак поднимался, хоть и один, хоть гнал меня ветер, дождь и маловременье, падал, вставал, да шёл), наверное – и здесь... Хотенье перевесило доводы разума, попросился – взяли и меня в «строй», обрадовались даже «старым друзьям» (уже года четыре с ними не ходил). Вот едем в сторону Горнозаводска на микроавтобусе, а там – на Среднюю Усьву (мимо Колпаков и Медведки), а там – заброска на вахтовке прямо к окончанию лесной проезжей дороги у болот Першинских (пока это ещё Горнозаводский р-н).

Нас шестеро – пятеро парней-«мужиков» разных возрастов и одна дама-путешественница, Аня, а ведут нас лихие да дерзкие до километров горных нехожеными и хоженными тропами Дмитрий Романов, инструктор и главнокомандующий группы,

и Сергей Ермашёв, командующий аръергардом (это тот человек, на долю коего выпало больше всех «возиться со мной»)...

Идём, короче: куда идём мы ввосьмером? – да на гору Ослянка, а где тропа? – да вот тропа, упругим шагом иль зигзагом идём мы к цели; вокруг чудесные места (ещё б поменьше

поменьше валежин), с уклоном влево... Тропа выводит-таки на дорогу вдоль подножья горы Одинокой – и вот мы у начала каменной реки на Ослянку, к подножию коей на крутопроходимом транспорте народ обычно и ломится со стороны Кизела (зато пешком мы везде пройдем, ягодку-черничку пожуюм). Переобулись от около-болотного хода для пеше-курумного, пошли, постепенно вгрызаясь в курумный подъём, слабенький пока, вскорости, на уступах – и резковатый.

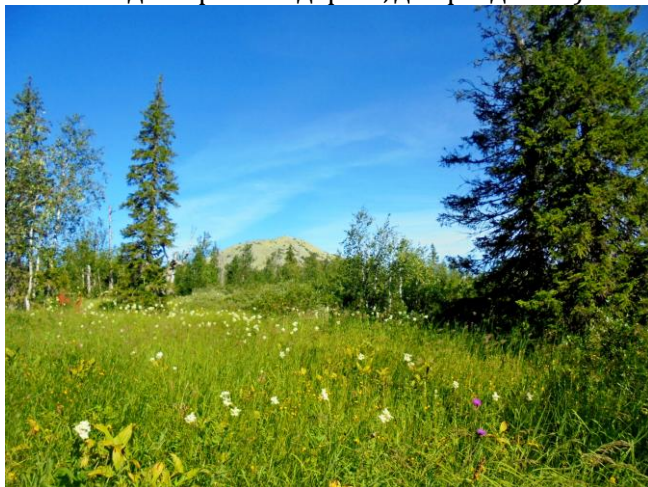
Да ведь ноги – это ж такое универсально-проходимое устройство (не про меня будь сказано: мои – уже не столь универсальны оказались, силы куда-то подевались, короче, плёлся я – но ведь плёлся же!) – им бы усталости не знать, да времени побольше, здесь же и не так уж далеко...

Выбрались, наконец, на главную вершину горы Ослянка, на все её 1119 метров над уровнем моря, отдохнули, закусили, зафиксировались с флагом –

и пошли по диагонали ориентиром на гору Одинокую – в лоб, да через её три уступа, вот и вершина в 902 м (а это всё перед глазами стоит, уже и не фотографировал почти, не успевал ноги от камней отрывать: вот, заразы, притягивают же, под ноги так и кидаются, пытаюсь повалить-расшибить – нет, лучше пешком да по ровной дороге, да с роздыхом)...

А всё равно в горах лучше!

Дальше идём-спускаемся – а уж вода вся закончилась. Вышли к дороге, там вскорости – и родник с чудесно вкусной водой «подвалил», опять нырнули в болотопроходные ножные приспособы и...

(Окончание в Главе «Горнозаводск»; текст и фото – **Ал. Тимшин**, Пермь)